

В. Старостин

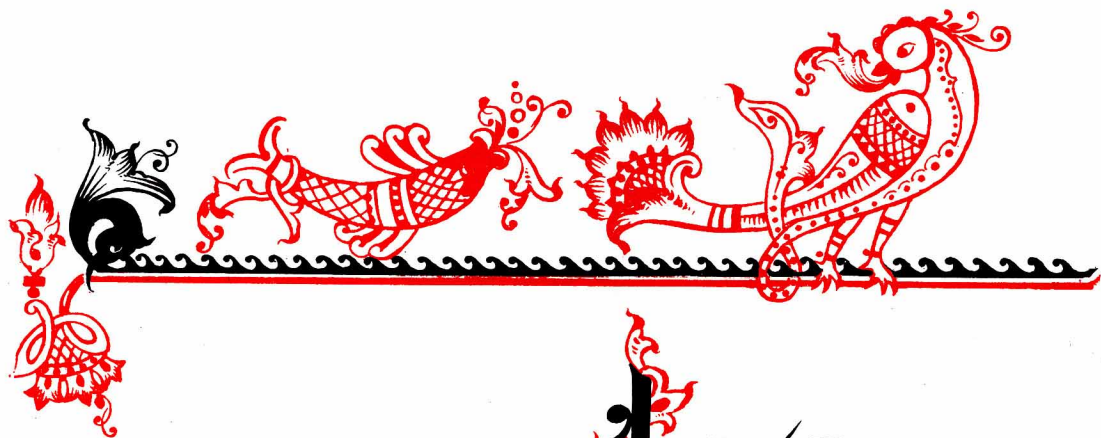


Дива Бывающие









рисунки Михаила Шемякова

из
Палеха

Просвещение



Василий Старостин

ДЛИННЫЕ

СКАЗЫ И РАССКАЗЫ
ПРО РУССКИЕ НАРОДНЫЕ
БЫЛЕВЫЕ ТВОРЕНИЯ

Предисловие
Евгения Осетрова



Москва 1974

8 РФ
С 77

С 77 **Старостин В. А.**
Дива Былинные. Сказы и рассказы про рус.
нар. былевые творения. Предисл. Е. Осетрова. Рис.
М. Шемарова из Палеха. М., «Просвещение», 1973.
109 с. с ил.

С 0763—652 БЗ—26—19—1972
М103(03)—74

8 РФ

© Издательство «Просвещение», 1974 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Стихию народного языка часто уподобляют безбрежному морю: есть у него глубинные течения, подводные впадины, отмели и обрывы, приливы и отливы... Из века в век обкатывает неоглядная водная стихия слова-камни, шлифует и отделявает их, подобно искусному мастеру-гранильщику. Бывают бури и штормы, когда ярость природных сил обрушивается на побережье, бывают солнечные безветренные деньки, когда морская бирюзовая толща просматривается на много саженей вглубь...

Говорить о родном языке — значит размышлять вслух о самом сокровенном. В прошлом веке Иван Тургенев написал слова, звучащие ныне как литературное завещание нам, людям двадцатого столетия: «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками... Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса! — Даже тем, которым не по вкусу «философские отвлеченности» и «поэтические нежности», людям практически, в глазах которых язык не что иное, как средство к выражению мысли, как простой рычаг, — даже им скажу я: уважайте, по крайней мере, законы механики, извлекайте из каждой вещи всю возможную пользу! — А то, право, пробегая иные вялые, смутные, бессильно-пространные разглагольствования в журналах, читатель невольно должен думать, что именно рычаг-то вы заменяете первобытными подпорками, что вы возвращаетесь к младенчеству самой механики...»

Мысли автора «Записок охотника» звучат вполне современно. С трудом веришь, что Тургенев написал свой призыв сто лет назад. В наши дни споры о языке не прекращаются и ведутся, пожалуй, с большей остротой, чем в пушкинскую или Некрасовскую пору.

Необозримо море русского слова, и наши предки не добыли в его глубинах весь жемчуг, — живые драгоценности терпеливо ждут нас.

Раньше говорили: что ни город, то свой норов. Добавлю — и свой язык. Испокон веков на необъятных просторах России существовало множество языковых пластов, диалектов, лексических и произносительных особенностей. Мягкая речь курянина, бойкая словесная заумь владимирского офени или отходника, степенный лад размышлений северного — печорского или мезенинского лесоруба и поистине бессмертное: «Мы — псковские...»

Мы, к сожалению, часто забываем, что хорошего произведения, написанного плохим языком, не бывает. Можно возвести красивое здание из плохо обожженного кирпича, но оно — каждый понимает — простоит недолго. Каким бы ни казалось злободневным творение, написанное суконным языком, век его недолог, — пренебрежение к слову жестоко мстит за себя. Не надо думать, что языковая засуха исчезнет сама по себе. С ней надо бороться, противопоставляя канцелярско-риторическому жаргону, убогому рациональному сочинительству золотую русскую речь, полную образности, красоты и силы.

В современной русской литературе успешно живет и развивается тургеневско-аксаковская традиция, традиция Чехова и Бунина, имеющая блистательных представителей среди писателей различных поколений. Но нет сомнений, что молодежи крайне необходимо обращение к творческому опыту Лескова, Мельникова-Печерского, Есенина. Крупнейшие знатоки крестьянской речи, они воссоздали на страницах своих книг волшебный и могущественный мир народного слова. Об этих традициях забывать нельзя. Этому учат нас крупнейшие художники современности. Лесковское отношение к родному языку мы можем зримо ощутить в шолоховском «Тихом Доне» или в «Русском лесе» Леонида Леонова, т. е. в эпосе двадцатого столетия. Примером того, как может быть обогащена современная литературная речь за счет народной лексики, могут служить произведения Михаила Пришвина, Вячеслава Шишкова и Павла Бажова, получившие всесветное признание. Менее известны северные сказы Степана Писахова и самого народного из наших писателей — Бориса Шергина, выросшие на почве поморских бывальщин, устного творчества мореходов-корабельщиков, землепроходцев, охотников и рыбаков. А между тем их творчество заслуживает того, чтобы быть включенным в лучших своих образцах в школьные хрестоматии. Их язык полон вещественной силы и прекрас-

но передает ощущение природы Русского Севера, венчающего, как писал мне в свое время Степан Писахов, своей красотой земной шар.

Имя Василия Старостина появилось на литературном горизонте сравнительно недавно. В шестидесятых годах в печати стали появляться его стихи, написанные былинным ладом, на старокнижные и фольклорные сюжеты. Публикации эти сопровождались иногда сообщениями о том, что Василий Старостин — бывалый человек, участник Великой Отечественной войны, ученый, работающий в костромском колхозе, и т. д. Не скрою, что первые литературные опыты Василия Старостина были встречены настороженно многими, в том числе и пишущим эти строки. К этому были веские причины. В довоенную пору, да и позднее, у нас бытовали многочисленные подделки под народное творчество. Написанные малодаровитыми людьми, приспособленные к различным кампаниям, различные «образцы народного творчества» способны были только вызвать чувство эстетического протеста у читателей. Но есть огромная разница между холодным ремесленником и тем, кто берется за дело с горячим сердцем, с безоглядной преданностью делу, которое было выбрано однажды и привлекло на всю жизнь. Василий Старостин подошел к сокровищам народной словесности с чувством неизбывной любви и благоговения. Это сразу положило водораздел между его творческими опытами и писаниями в ложнорусском стиле.

Весьма важен раздел в книге о природе народного, в частности былинного стиха. Автор развивает свою, по его терминологии, «ладобойную» теорию, плодотворность которой — при всей ее спорности! — автор пытается практически утвердить в своих стихотворных опытах на былинные, сказочные и исторические сюжеты.

Заметный успех выпал на долю богатырских былин Василия Старостина об Илье Муромце, отлично иллюстрированных палехским художником Михаилом Шемаровым. Эта книга заставила меня вновь задуматься над давним вопросом: можно ли с порога отвергать старые устные формы народной поэзии? В прошлом веке Ершов написал сказку о Коньке-Горбунке, сказку, без которой ныне немыслима русская литература. Ершовский «Конек-Горбунок» — первая книга после азбуки для чтения у каждого вступающего в жизнь поколения. А во времена Ершова народные стихотворные повести уже воспринимались многими как невозвратимая архаика. Живы и всегда будут жить гениальные пушкинские сказки, лермонтовская песнь про купца Калашникова, ве-

сенная сказка Островского «Снегурочка», написанная, как известно, по мотивам преданий языческих времен. Это в наши дни уральский писатель Павел Бажов с успехом обратился к золотым россыпям устного творчества горнозаводских уральских рабочих. Как видим, в самом обращении к старым литературным формам нет ничего предосудительного, все дело в том, зачем человек идет в сокровищницу народной мудрости — добавить добытого самим богатства или позаимствовать у родителей в долг без отдачи.

Новая книга Василия Старостина «Дива былинные» — своеобразный сплав народных поэтических преданий с историческими хрониками, легенд, созданных автором, с его размышлениями о путях и судьбах родной речи. Автор глубоко и искренне озабочен жизнью слова в современных условиях, и главная страсть его, направленность мысли носят, на мой взгляд, верный и симпатичный характер.

Книга Василия Старостина полезна для юношества. Несвободная от явных полемических преувеличений, она будит самостоятельность мысли, служит путеводной нитью для тех, кто желает идти дорогой предков, творцов золотой русской речи.

Евгений Осетров



БОГАТЫРИ ПРИШЛИ В ДЕРЕВНЮ КЛЮЖИНО



ЫЛИ годы метельные, стояли зимы вьюжные, а тогда снега снеговали, а тогда бури буревали, а Русь, мою родину, враги воевали.

Сам я в те годы пешком по-под столу ходил, зато братьями могу гордиться: это также и они, мои братья Старостины, отстояли Родину и от Юденича, и от Деникина, и от Колчака. Знают они и пехотные сраженья, и штурмовые ночи Спасска, и волочаевские дни.

А я малыш-недоросток к войне той еще не погодился, до кровавого вина не дорос, пиров военных не пировал, но оставался с родителями. Они уже и в годах были, в немолодом возрасте. Вот втроем мы те бурные годы и годовали, беды бедовали.

На Ключине-деревне Вятского края выучился я русской речи, русскому языку, русской песне, русскому стиху; учился у матери, у отца, у сестры Анны, у соседей-ключинцев. Глупые смеются, неумные издеваются над вятским выговором. Но глубока Русь в вятском слове, глубинно славянское исконное начало в вятской речи.

По младости да по глупости, да из-за насмешек над вятским говорчком, думал и я, что слово *вятский* — захудаленькое словчишко, хуже клячи голороброй. И не знал я, не ведал я, что слово это и славное, и большое, и гордое. Мои соседи-клюжинцы, как и я в детстве, как и все вятские, выговаривали это слово так: «*вячкий*», то есть по-древне-новгородскому. А в таком произносе «*вячкий*» — родной брат слову «*вячий*», что значит «*высший*»; ан, высоко летит слово вятское! А с этой высоты старославянский брат «*вячий*» не столь уж высок и велик, не столь недосыгаем, хоть и значит он тоже «*высший* по силе, по величине, по власти» (Д а л ь).

Так вышло: которое слово глупцы поносят, неразумники охаивают, невежи и то принижают, а и то слово великое значенье таит в себе. И не только смысл, а история еще в словах «*вятский*», «*вячкий*», «*вячий*» величава. Был такой на Руси князь-богатырь *Вячко* — смелый воин, удалая головушка. Воевал он, богатырствовал на чужой стороне, против немецких рыцарей крепость Кокнес оборонял. И ныне этот город в Латвии стоит. Избился в борьбе Вячко, силы иссякли, рать поредела, ждет он из Пскова подмогу, а и тот Псков подмоги не прислал, помощи не оказал. Неустрашимый Вячко врагу не сдается, решимый, он крепость свою сам сожигает, от противника отрывается и на Русь уходит. А было это в 1207 году. А в 1223 году Вячко снова в битве с немцами. Теперь он эстонцам Юрьев (Тарту) оборонять помогает, оборону возглавляет. И в роковую годину, в неминуемый час гибнет Вячко в борьбе в 1224 году, а сдаться отказывается.

А в седую старину, а в ветхую древлю, как гласит преданье, были два брата, два родные — Вятко и Радим. Жили они были: один на реке Оке поселился, Вятко, а от него племя *вятичи* пошло; а другой — на реке Сож, и от него, от Радима — *радимичи*. Радимичи слились с кривичами и дали смоленцев. А вятичи разрослись на запад, и от них Москва и москвичи начались. Значит, вятич да москвич — два родных брата, и язык у них один, а только выговоры разнятся. А на выговор, надо думать, Господин Великий Новгород повлиял — он с XII века хозевал на Вятской земле. А когда до песни дойдет, или до сказки, или просто до байки для малышей, то услышите вы в нем и древние повторы, которые никогда не будут древними, и переклики со «Словом о полку Игореве». И меня мама моя, Евдокия Мамонтовна, и других детей своих, и внучат своих такими вот байками байкала, к родному языку приучала:

«Сорока-сорока, бела-белобока, по полю скакала, гостей гаркала: «Гоости, вы гости, идите кашу хлебати!» И тут сорока воду носила, кашу варила, гостей кормила: этому кашки, этому бражки, этому пивца, этому винца; а этот мальчик-с-пальчик — он мал-не-дорос, он воды не принес, он дров не рубил, он печь не топил — нет ему кашки, нет ему бражки, нет ему пивца, нет ему винца... А мальчик-с-пальчик — он не сел на диванчик, он бежит на работу, он толчет, и мелет, и во ступу сядет... Вода — на болоте, дрова — не колоты, мука — не молота, мутовка — на сосне, квашонка — на липке... А тут мальчик-с-пальчик схватил коробицу, побежал по водицу. Он хоть мал-не-дорос, а воды он принес, он мутовку сломил, он квашонку сдолбил, он дров наколол, он муки намолот, он печь натопил, он каши наварил! Вот ему кашка, вот ему бражка, вот ему пивцо, вот ему винцо!»

Мамин своесказ этой присказульки самый лучший из всех иносказов, какие я когда-либо слыживал-читывал-видывал. Правда, тот быт позабыт, квашонки из лип едва ли где долбят ныне.

Отец мой, тятя, был с виду суров, взглядом строг, а в речи вот любил усмешку, живинку и потешку. Летом он — пахарь, зимой — портной: ходил по деревням портняжкой, ездил портняжить ради заработка. А соседи-клюжинцы старые песни сохраняли еще в ту пору всякие: и протяжные, и хороводные, и рождественские (святочные), да к тому — частушки. Заряд-запас и получился речевой-песневой-звуковой во мне. И теперь, когда я работаю над былинным стихом, я тот стих сверяю с клюжинскими песнями да припевками, частушками да прибаутками; когда хочу высказаться коренным русским высказом, и тот высказ ищу не за морем, а углубляюсь в себя и притихаю и тогда слышу из глубины душевной своей отцов голос, тятины слова. И душа моя наполняется радостью, а слово силой; когда я хочу пересказать сказку, я вспоминаю материны былички, мамины рассказёнки.

Книги «привели» богатырей на Ключино, витязей из былин. Я был тогда, как сказано, мал-не-дорос. А свои богатыри — клюжинские, а с ними и братья мои — они все на гражданской войне. Вот тогда-то и пришел ко мне из книг, из былин Илья Муромец, да Добрыня, да Алёша, да Вольга. Все из книг: былин клюжинцы уже не помнили.

Гражданская война. На полях бои да сраженья, в хозяйстве разруха: у народа хлеба нет, соли нет, керосину нет. Впрочем, клюжинцы не

голодовали: хлеба не хватит, так картошкой добавляли и выхвалялись: «Вятка — всем богатствам матка!» А какие богатства у вятича? А то, видно, важит, что вятский мужик — он на все руки мастер: он и швец, он и жнец и на дуде игрец, и на пушки, и на игрушки; ловко владеет и пилой, и топором, и ножом, и резцом, и долотом.

Итак, в гражданскую войну хлеб у нас еще был, хоть и в ту невеликую меру, чтоб не до жиру, а быть бы живу. А соли не было. А спичек не было. А керосину не было. Всякому люду без соли худо, а без хлеба и еще хуже. И потому старинной пословицей утешали себя клюжинцы: «Без хлеба — смерть! Без соли — смех!» Смех выходил и не очень веселый, но понимались и без соли. А вместо керосину жгли лучину. Огонь и без спичек приспособились выдувать из угольков. А курильщики высекали его из кремней. Так вот и жили, тянули жилы. А вятский мужик — на жилы-то он жилист: и тянется, да не рвется. А это ведь тоже диво: крестьянин может в черные дни, во невзгодицу, сам собой прожить — без хлеба не останется, ни без огня в холоде, ни без света в темноте. Огня выискрит из кремня, свету — из лучины да из свечей самодельных: из сала либо из воска. А клюжинцы еще и коптилки выучились делать из выдолбленной картошки — заливают их льняным маслом, опустят закрутичок-фитилек из кудели и — гори гори ясно, чтобы не погасло. Я — с коптильничком, мальчишка над книжкой, а мать — с лучиной: прядет шерсть на чулки, на рукавички, прядет волокно на полотно, на штаны, на рубашки, на портянки...

Учительница из Клюжинского училища Клавдия Васильевна дала мне однажды книжечку с былинами. Принес я ее домой, затопил печку в горнице. Дрова сухие, горят хорошо — сам я их с отцом напил, из лесу навозил, а было мне тогда девять лет, а учился я во втором классе. Горят дрова жарко, светят ярко, пламя шумит, воздух гудит. Через поддувальце под дверцей свет снопиком вырывается на пол: растянись на полу и читай.

Вот и читаю былины я о богатырях. Нравится мне Вольга-богатырь. При одном только нарожденьи Вольгином вся вселенная всколыхнулась, земля встрепенулась. Всколыхнуло и овеяло трепетом нарожденье Вольгино и мою девятилетнюю душу. Подумать только: хочет Вольгу матушка вертать-пеленать, на головушку колпачок надеть, а младенчик-то уже зычным голосом требует: «Ты не пеленай меня, матушка, в эти пеленочки шелковые! Ты не пояси меня, родимая, в эти пояса золоченые. Лучше ты, матушка, надень на меня доспехи-латы

богатырские... На голову — богатырский шлем, в правую рученьку ты мне вложи палицу трехсотпудовую, в ноги — копьё бурзамецкое, в головы — седлышко черкасское!»

Еще больше завлекло в былинку меня Вольгино восхотенье: много тайностей-мудростей захотел он узнать-перенять, и даже в синее небо за оболочку соколом-птицей залетывать, и щукою-рыбою в морях ходить, и волком рыскать по заполицам, и львом по лесам порыскивать. Восхотел он и своего добился — моему разуму на радость, душе на зависть: захотелось и мне, и не зверем в лесах, и не щукой в море, а птицей-соколом под небеса залетывать...

Вольга-богатырь в деле деятелен, в предприятиях-задумах своих неутомим. Поехала дружинushка Вольгина в лес лесовать, серых зайцев пострелять, зверюшей в сети половить. Да ловкости-расторопности у дружинничков не достало: вернулись все с пустыми руками. Рассердился Вольга на дружинushку, на двадцать девять богатырей, потому что сам он был «во тридцатых». Вышел Вольга Все-славьевич да и обернулся рыкучим львом, да и поскакал по лесным местам, по перелескам, по опушечкам, да и по трущобам, по прогалинам. Стал он зверье из лесов выгонять из потаенных, укрывных мест, в сети-силки заворачивать белок, куниц, да бобров, да лисиц, зайчиков, черных соболей, маленьких горностаюшковых. Сети-силки и переполнились. Богатая ловитва была. А и на ловле-охоте за птицами опять все повторилось: дружина — без удачи, так Вольга удачен. И на лове в море — дружина без рыбы, а вмешайся Вольга — и готов богатый улов.

Для дела-работы, для лова-охоты, стало быть, надо было Вольге и соколом летать, и щукой плавать, и львом рыскать. А еще на войне Вольгино искусство-оборотничество сильно погодилося.

Три-раз хвастался, три-раз бахвалился, три-раз намеревался царь Сантал отнять у Руси девять городов, одарить ими девять сынов, а царице Панталовне привезти шубу драгоценную. И три раза заботливый радетель за землю Русскую, богатырь Вольга, на разведку ласочкой вылетывал, и все наметы Санталовы наперед узнавал, и замыслы срывал, и всегда во всех своих военных походах против Сантала Вольга брал-побеждал своим умением оборачиваться то зверем, то птицей, то щукой-рыбой.

Быстрый-решительный воин Вольга одолевает все неприступности, проводит дружину через все и всяческие трудности. Вот море-океан, на-

до его одолеть-переплыть и не замеченным быть. А буря на море бу-
реванная. А море от бури неприступное. Вольгины молодцы кручинят-
ся, сетуют-печалются-поохивают; буря да ветер их потряхивает. Жа-
луются Вольге дружинushка: «Тут потерять нам буйну голову!» А Вольга над дружиной насмехается: «Старые бабы вы, запечные! Утлые старухи вы, хилые! Нет богатырской в вас смелости! Вам бы у печки горшечничать! Вам бы у колодца портомойничать, бабские ля-
сы по-бабски бы точить, бабскими хихиками зубы калить!» Сказал-
насмеялся так Вольга, а сам обернулся щукой-рыбою, а молодцев обернул щурятами. В море дружинushка плеснулася, струи проплыла непропывные и оказалась в царстве Сантальском. А там горы подне-
бесные, да леса, да болота непроходные. Через горы оленятами, че-
рез леса-болота ласточками — все неодолимости одолевает дружина с помощью Вольгиной даровитости да хитрости-мудрости.

Пока моря да воды, леса да горы, топи-болота переплывешь-пере-
скачишь-перелетишь-одолеешь, сколько сил потратишь и утомишься. Дружина на переходах поизмучилась, на перелетах поизнурилась, и сон одолел добрых молодцев. Спит она, дружинushка, да Вольга не спит. Волком Вольга оборачивался, много насгонял-понабил зверья, теплых шуб да мехов наснимал, шуб соболиных-лисьих нашил. Теперь дружине снег нипочем, мороз не страшен после заботы Вольгиной о дружинничках. А дружина все еще отдыхает. Спит она, дружинushка, да Вольга не спит: летит он к Санталу, разведывает — где стоят кони-
лошади, где лежат сабли-мечи наостренные, палицы булатные, луки тугие, стрелочки каленые. И проник Вольга в оружейницу кротиком, обернулся горностаюшкой, луки тугие повыломал, сабли-мечи все по-
выщербил, палицы булатные дугой согнул, волком обернулся и у коней глотки все поперервал. А потом обернулся соколом. И плохо пришлось гусям-лебедям, селезням, серым утушкам: Вольга на пропитаньице дружине своей много их погубил-побил. Вот как заботился радельник-заботник о дружинushке хороброй своей.

Хвастливый царь Сантал в это время бахвалится: «Я Киев взять-
ем возьму, а Вольге столицы моей не брать: крепость моя кругом проч-
ная, каменные стены толстенные... Только на стыках есть щелочка: ма-
лая — только муравей проползет!»

Хоть и оробела Вольгина дружина перед стеной-неприступницей, да Вольга оборотил всех воинов муравьями — они и проползли во щелоч-
ку, а во столице, на улицах и обратились опять в добрых молодцев.

Войско Санталово опешило. Кинулись вояки к добрым коням — добрые кони загрызены, схватились за луки — луки тугие переломаны, шелковы тетивочки оборваны, схватились санталовцы за сабли-мечи — сабли-мечи все повыщерблены, давай за палицы — палицы булатные погнуты! Не с чем санталовцам в бой идти! Кинулись ратники кто куда!

Так побеждает Вольга врагов своих.

Читаю я об этом, пока печка топится, а с коптилочкой дочитываю. А на улице ветер шумит-воет, он крышей стучит, он в трубе гудит. А метелица снегом метет, заметает деревню, Ключино завьюживает.

Я в сказках читывал, в ключинских пересказках слыхивал об оборотнях. Пусть мал-невелик был, а понимал, что все эти баски-побасенки — выдумка-мечта-причуда. Местные бабьи побаски об оборотнях и призраках — они хотя и наполняли страхом воображение, а все равно не казались взаправдошными, как ни старались инрассказчицы убедить, что все это было, все случилось. Так вот и богатыря-оборотня я принял за сказочный вымысел.

А зря ты, мал-малышок-недоростышок, не уверовал в Вольгу, не принял его взаправдину. Не твои ли братья, и собратья, и отцы, и деды, и прадеды — не они ли в битвах за Русь, за родину, и в морских боях, и в сухопутных сраженьях, и в лесах, и в болотах, и в горах, не они ли, не русские ли люди, свершали подвиги-чудеса: и щукой-рыбой моря переплывали, и ясным соколом леса перелетали, и быстрыми ласточками через горы перепархивали.

Былина о Вольге зачалась в доисторические времена и отразила первобытные славянские верованья. Но древние верованья забыты, оборотни запамятованы, колдуны исчезли, а Вольга, а чудесные обращения его живы в былине, бессмертны в народном воображении. Значит, былина о Вольге дорога народу не оборотничеством, а чем-то иным.

Многие считают, что в былине о Вольге народ воспел киевского князя Олега. Верно, что Олег оставил по себе глубокую память: он успешно воевал с Византией, покорил столицу византийскую Константинополь, а после замирения, как сообщается в летописи, прибил свой щит на воротах цареградских. И с тех пор прозвали Олега Вещим.

Не будем спорить, будем соглашаться, что в богатыре Вольге есть явные черты от Олега. Даже имя Вольга можно без труда произвести от имени Олег. Да есть и другое мнение. Некоторые считают, что бы-

лина о Вольге воспеваает походы другого киевского князя — Святослава Игоревича.

Он же, Святослав, славен воин, чуден витязь: в походах быстр, на войне стремителен, в бою неотразим. Не возил он с собою ни воза, ни котла, ни шатра, а спал на конском войлоке, а в головах клал седло. Не варил мяса, а только жарил на углях: конину, или зверину, или говядину нарежет тонко, зажарит быстро и ест. Такими были все прочие воины у него. А был он честен и прям, и открыт, и невероломен. А когда шел на иные земли, то упреждал: «Иду на вы!»

Киевский князь Святослав Игоревич — гроза камским булгарам и печенегам, гром ясам и касогам, молния хазарам, вечный страх византийцам. Он, как молния, поразил Хазарский каганат (в 965 году), как гром разгромил-покорил ясов и касогов. А в 968 году завоевал византийцев. Посылает Святослав посла ко грекам со своим «Иду на вы». А греки отвечают: «Мы не дюжи; согласны платить вам дань, заплатим на каждого воина; сколько вас?» Святослав ответил: «Есть нас 20 тысяч». На деле было только 10 тысяч. Греки обманули: дани не дали, а выставили войско в 100 тысяч. И увидела Русь, и убоялась великого множества врагов. И сказал Святослав: «Уже нам некуда деться, волей-неволей, а восстать противу. Да не посраим же земли Русской, но ляжем костями тут, ибо мертвые срама не имут! Станем крепко, я же перед вами пойду. А если моя голова падет, то промыслите каждый про себя». И решили вои: «А где голова твоя ляжет, тут и мы свои головы сложим!» И исполнилась Русь. И была сеча велика. И одолел Святослав. И с позором бежали греки.

Не будем спорить, будем соглашаться: да, в богатыре Вольге есть черты и от Святослава. И иные говорят, что былина о Вольге воспеваает Александра Невского. Похоже! Ведь Александр Невский победой над шведами и немецкими рыцарями в битвах на Неве и на Чудском озере свершил великое диво. И как не подивиться тому диву: Русь покоренная, Русь разоренная, Русь растерзанная, та Русь, которую, казалось, на веки вечные, на все времена искоренили, стерли, под меч склонили, поработили татаро-монгольские полчища, и вдруг эта Русь жива, и вдруг эта Русь сильна, и вдруг эта Русь победительна, еще может она побеждать врага, еще может она постоять за себя, еще может она бить и разбивать таких грозных врагов, как германские племена. Да, Александр Невский возглавил великий русский подвиг. И это историческое диво почему бы не могло стать дивом былинным? И оно стало былин-



ным дивом в былине о Вольге. А дальше Александра истолкователи не идут, как будто бы на Руси перевелись богатыри, как будто бы они не рождаются и в наше время.

Былина о Вольге не есть былина об одной какой-либо исторической личности, но о многих. Это не былина об Олеге, но также и о нем. Это не былина о Святославе, но также и о нем. Это не былина об Александре Невском, но также и о нем, и о других русских воинах-полководцах — от древних времен и до наших дней.

В былине о Вольге, каковы бы ни были ее истоки, пусть даже они затерялись где-то в первобытных верованиях в оборотней, в этой былине народ дал отличный образец отличного воина-полководца, образ такого военного начальника, который бесстрашен в бою, быстр и решителен, и настойчив в замыслах, осторожлив в военных приготовлениях, рачителен и заботлив о своих воинах и ко всему тому умеет вдохнуть силу в бессильного, твердость во слабого, храбрость в оробелого. В образе Вольги щедрыми красками, вдохновенными словами предвосхищены и увековечены все доблести военных вождей, и Олега, и Святослава, и Александра Невского, и Дмитрия Донского, и Суворова, и Кутузова, и Нахимова.

Вольга-богатырь — это образцовый воин-полководец, каким его в мечте своей создал наш народ. И он вмещает в себе воинские доблести и прошлых, и настоящих, и будущих времен.

Щукой-рыбой переплывали через море-океан Вольгины воины. А разве наши моряки в морских сраженьях не творили чудес, таких, что сравнить их можно было бы только с чудесной способностью перевоплощаться из человека в щуку и уж щукой-рыбой одолевать морские хляби, когда на них бури-непогоды волны поднимают, ветры-ураганы валы нагоняют? Разве не дивны победы русских моряков над шведами в Гангутском бою в 1714 году, после которого наши войска не раз высаживались на шведской земле? Словно бы щуки-рыбы быстрые-неуловимые, проплывали они море от русского берега до шведского, как Вольгины воины от русского до санталевского. А славное Синопское сражение в 1853 году: тогда русская эскадра уничтожила турецкую, и в том Синопском сражении турки потеряли три тысячи человек, а у нас было только 38 убитых и 235 раненых. Разве это не былинное чудо? И не оно ли воспето в былине о Вольге?

В другое время былина создавалась, скажут. А это неважно! Былина создается народом на основе какого-то одного дивного подвига. Но

века и тысячелетья былина переживает только тогда, когда такие же былинные подвиги в народе повторяются. Они, эти повторенные подвиги, и дают новую жизнь старым былинам.

Подивитесь дивным совпадениям, поразительным соответствиям былины о Вольге с суворовскими походами. Суворов говорил о своих чудо-богатырях, что где олень пройдет, там и русский солдат пройдет, а где олень не пройдет, там русский солдат все равно пройдет. Так полководец говорил, а чудо-богатыри делали: они в Итальянском походе, они во Швейцарском походе в 1799 году проходили там, где человек пройдет, а проходили и там, где человек пройти не мог, да олень проходил; но вот прошли они Апеннинские горы, добрались до Альпийских; а там альпийские непроходимости, а там горные неприступности, туда орел костей не занасивал, там олень не прохаживал, ни горный козел не пропрыгивал, а русские солдаты прошли, а суворовские воины пролетели и через горные пропасти, и через каменные скалы, и через Чертов мост.

А не о том ли поется в былине о Вольге?

Измаил, 1770 год. Все в мире почитают Измаильскую крепость неприступной, все люди в мире так думают, а турки тем паче. Бомбами ее не пробомбить, громами не прогромить, молниями не прошибить, человеку не забраться на крутые, на каменные, на высоченные стены. Только муравьи во щелочки, буде, проползут где. Но где проползет муравей, там и русский солдат проползет, а где муравей не проползет, там русский солдат все равно проползет-проникнет-пройдет. Таков воин в былине о Вольге. А таков же он и в победе над Измаилом: одолел неодолимое, победил непобедимое, переступил неприступное; если нужно, он громом стал; если нужно, он молнией стал; если нужно, он муравьем стал и взял Измаил!

Так и надо осмысливать былинку о Вольге, как песню о неистребимой русской военной доблести, и ту песню русский народ в веках не растерял, в тысячелетьях не растратил, а делом приумножил, новыми подвигами возматерил и старинное диво былинное сделал новым дивом, сделал былинкой также и сего времени.

И так от века было: когда на Родину мою начинают дуть все ветры военные, все вихри осенние, все вьюги зимние, когда воют они завывают, города и села бедами покрывают, а народ наш да погубить норовят, а тогда из былинного бессмертья своего восстают старые русские богатыри и вдыхают силу в новых богатырей. Оттого-то и новые

могучие богатыри и еще больше мужают и богатыреют, и умножают подвиги старых, и творят свое новое бессмертье, и творимым бессмертьем своим продлевают бессмертье старым. И затихают все ветры военные, затихают все вихри осенние, затихают все вьюги зимние, как затихла и та вьюга вьюжная над моей над деревней Ключином.

Затихла вьюга, и месяц ясный встал и сторожит глубокую полуночь. А я начитался о похождениях Вольгиных и сплю. И вдруг просыпаюсь и вижу: при ясной-белой луне стоит моя мама и смотрит в окно, она стоит и смотрит на ворота. Одна рука у нее поперек груди, а на другую опирается она подбородком. И приклонилась она, и стоит, и думает, и мечтает. Я знаю, о чем она думает: она думает о трех сынах на войне, она мечтает, она зовет счастливый миг: откройтесь вы, тесовые ворота, войдите-вернитесь мои три сына — вернись, Ефим, вернись, Михаил, вернись, Николай! Принесите, сыны, радость в осиротелый дом, принесите счастье по голубому снегу под белой луной!





О славном роде Миккулином



Миккулу Селяниновича я, когда прочитал о нем, то по ребяческой несмышленности и за богатыря не мог принять: ну что за богатырство — землю пахать, с сошкой возиться, пиво варить, мужиков поить?

Пиво-то варить домашнее, не из ячменя, а из ржаного со-
лodu, черное-сладкое пиво умеет варить даже мама моя. А зем-
лю пахать, а хлеб растить тятя способен, и, наверно, не хуже Ми-
кулиного. И меня к работе на земле, к землепашеству с семилетнего
возрасту приучивает: борноволокном работаю, землю перед севом боро-
ню-рыхлю да выравниваю, а посеет отец из лукошка-севалки, я опять
же семена заделываю, зерно забораниваю. Одна будничность и никако-
го богатырства-силачества. Правда, первому выезду на работу рад был
радешенек я: подумать — уже вырос-де, на поле собираюсь, на коня
сажусь, на дело с отцом выезжаю. По недорослости да по слабосильно-
сти борноволочил я не как взрослый борноволок: тот ходит за бороной
и вожжами правит лошадей, а я боронил сидя верхом на лошади, да
пусть бы хоть в седле, а то на подушке. Ущемляло меня такое мое «не-
настоящество» в работе, так пытался же и я работать «как люди», да

не вышло: Воронко — ох упрямая лошаде́нка — недоростыша не слушается: либо станет и ни с места, либо потянет, куда захочет! Года два так вот вершником я конем управлял-работал-боронил. Мать уже и упрекнет, бывало: «Вот мальчишки у соседей — все работают, как взрослые, а у нас все не как у людей». И мальчишки-друзья начали поддразнивать недотепу-слабика.

При такой-то «ненастоящей» причастности к работе, к земледельческому труду мне бы и молчать втихомолку, а во споры с богатырем-землепашцем и не вступать бы. А я вступил: не одобрял я Микулу, когда он насмеял насмешку, приготовил потешку над богатырями Вольгиными — заставил их сошку из земельки вытаскивать. Детским умком не постиг я смысла былинного и на Микулу сетовал, а богатырей жалел, что они такие ревностные воины, удалые молодцы, неудержимые ребята, славные богатыри и вдруг с деревенской сошкой управиться не смогли: сошку из земельки не вытащили, из омешиков земельки не вытряхнули, за ракитов куст сошку не бросили, хоть и брались за дело тридцать богатырей.

В былине-то все ясно — она возвышает земледельческий труд перед любым трудом, и даже ратным, а мальчишке и невдомек: как это тридцать богатырей не смогли справиться с сошкой какой-то, когда Микула Селянинович одной рукой сошку и выдернул, и вытряхнул, и закинул? Тут не иначе, как Микулушка подвох какой-то подвел.

Словом, ничегошеньки не понял я из былиночки о Вольге да Микуле из-за умственной незрелости. А прочитай все это матери своей Евдокии Мамонтовне неграмотной, она бы полную ясность внесла. Любила она рассказывать, как чиновнице одной во свое время ответила. Белоручица — с радушным советом к маме, вроде такого: «Чего, дескать, это вы к черной работе приверженность такую имеете? Надо с чернопахотного дела на другое, более легкое перейти!» Не потерялась мама и на этот совет так ответила: «Ежели мы, мужики-крестьяне, чернопахотное дело бросим да хлеб растить не станем, то тебе, Юлия Александровна, с голоду умереть придется!» Верный, и гордый, и достойный ответ, а дала его крестьянка. А крестьянка та, хоть она и неграмотна, а достоинством своим, крестьянским, гордиться умеет. В мамином ответе весь смысл былинный о Вольге и Микуле: былина принижает воинское да княжеское званье и ставит выше военных доблести земледельческие.

Мальчуган не понял — чего с него спросишь? Много хуже, горестнее, плачевнее, когда некоторые взрослые дяди земли не понимают, земледельца не ценят, Микулу Селяниновича ни во грош ставят!

В былинах Микула Селянинович настолько возвышен, что никто не в силах сравниться с ним ни по силе, ни по могуществу. Микула носит с собой «тягу земную» как знак тяжелого хлебопашеского труда и как знак земледельческого могущества.

Есть у нас былинный свод «Русский народный эпос», и тот свод составил профессор Н. В. Водовозов. Там Микула Селянинович назван крестным отцом Ильи Муромца. Я охотно это принимаю: славен крестник у славного крестного. Про Илью же в одной казацкой песне сказано, что он *малюткой* уже скакал на коне. Значит, Илья Муромец сиднем сидел не от рожденья, а позднее и от болезни. Песня так начинается:

Ты малютка, ты малютка, Илья Муромец душа!..

...Что малютка на коне, как соколик на руке,

Под малюткою конь, ровно лютый зверь... —

и рассказывает, как малютка Илья вступает в бой с грозной татарской силой.

При здоровом-не-больном Ильином младенчестве наставником и учителем богатыренку Илье должен быть крестный, то есть Микула. На мой разум, Микула Селянинович обучал Илью житейской мудрости.

Проходил по Руси Микула со младенцем Ильей. И, надо думать, с умыслом оставил при дороге в степи на обочине свою сумочку с тягой земной. А на нее наехал богатырище-великан Колыван (в иных разночтениях Святогор). Перед этим Колыван похвастался, что если бы ему в руки тягу, то он повернул бы весь мир, всю землю на крут поворот. Увидал Колыван Микулину суму и, от нечего делать, попытался ее поднять. При попытке надорвался, и вот он погибает.

А тут и вернись ко своей сумочке с тягой Микула с Ильей. И глядит Микула и видит: великан-богатырь возле сумочки, по колен в земле, сам лежит без сил. Кровь струями на лице пролилась-запеклась. Впрошает великана Микулушка:

— Кто такой ты, матерой богатырище?

— Я — могучий степняк богатырь Колыван! Я при жизни не знал супротивников. Воевал-бузовал в удовольствие. А теперь погибаю от притчины!

— А для-ради чего ты воевал-бузовал? Для какой, для чьей правды-истины? Для какого дела-славы для великие?

— Что за правда такова? Что за истина? Воевал я ради славы, своей удали, чтоб над слабыми мне потешиться, над побитыми да повысмеяться, над поверженными повеличиться! И дань собрать, и себя напитать! Напитал я могути неуголенной. А и стала она мне тяжким бременем. Говорил я тогда самому себе: «Кабы тягу мне да земную найти, повернул бы я землю на крут поворот!»

— А для-ради какой правды-истины повернул бы ты землю на крут поворот?

— Что за правда твоя? Что за истина? Это дань ли? Еда ли? Оружье ли? Я без истины сыт, я без правды силен, я могуч, и велик, и богат, и счастлив! И не знаю я, куда могут мою деть.

— А на что, великан, и богач, и силач, ты потратил теперь могуту свою?

— Посмеялася надо мной судьба: уж не землю, а сумку эту маленькую я не смог повернуть, ни свернуть, ни поднять... Не до плеч, до колен приподнял я ее, так прощаюсь с белым светом теперь!

Подходил тут Микула Селянинович, сумку брал-поднимал он одной рукой. Встрепенулся, привстал великан Колыван. Он глядит и не верит глазам своим: «А кто ты есть, добрый молодец? Что ты носишь в своей этой сумочке?»

— Я — крестьянин Микула Селянинович, я в ней тягу земную при себе ношу!

— Отчего ты, Микула Селянинович, носишь тягу земную, не надсадишься? Чем ты силен-счастлив супротив меня?

— Я знаю свою правду-истину — в том сила моя непобедимая! Не в забаву-игру трачу силу свою: я хлеб рощу, я народ кормлю, людям счастье несу, необездолицу. Оттого-то я не обессилею, как ты обессилел на бесславных делах! — так сказал Микула Селянинович. Опечалился, пригорюнился богатырь Колыван и затих совсем: на глазах он стал горой каменной.

И над страшной над этой над погибелью все раздумывал Микула, приговаривал: «Молоденек ты, не смышлен, Илья, а осмыслить тебе это надо бы. Перед этой судьбой в этот час роковой на завет на такой на всю жизнь положишься: кем бы ты ни стал, что ни делал бы, не пекишься о корысти своей, выгоде! А пекишься, а берешься за такие дела, чтобы славные были да великие, чтобы всем от них было радостно, чтоб не ты со-

бой, а только люди тобой бы гордились по делам по великим твоим. Вот тогда ты, Илья, за любую берись, за любую за тягу, и берись, и тянись: за железную, за богатырскую, за земную берись — смело вытянешь! Не погибнешь ты, не сорвешь своих сил, как погиб-сорвал силован Колыван!»

В былинах славится не только сам Микула, а и *весь род Микулов*. Род этот сильный. Не зря чудесные исцелители Илью упреждают:

Не бейся и с родом Микуловым:
Его любит Матушка сыра земля.

Впрочем, в былинах нет воспев про сыновей, а только про дочерей Микулиных. У Микулы Селяниновича три дочери: Настасья Микулична, да Катерина Микулична, да Василиса Микулична. Дочери Микулины дивны силой богатырской, силой нравственной и верностью.

Вот Добрыня Никитич — он хоть и не очень молод, но все еще не женат. Едет Добрыня по чистому полю, на душе светло, на сердце весело: недавно побил-победил Змеину лютую, город Киев от горя-напасти избавил. Ох, поле ты чистое, ох, ветры вы буйные! Что ты, поле, таишь в себе, что мне, ветры, надуете? Вон там вон летит удалой на меня богатырь молодой. Ну что ж, мы и встретимся, ну что ж, побогатыримся! Только мал для Добрынюшки — богатырь мне не ровнюшка. И берет Добрыня палицу, — он палицу нелегкую, ту палицу на триста пудов. Ударяет Добрынюшка, ударяет во полсилушки... Думал сшиб богатыреночка... Ах, что это за чудышко: поляничка-невеличка, да она из седла не выпадывает, на Добрынюшку поглядывает, все глазенками посверкивает, озорными поблескивает.

«Это что это за притчина? — удивляется Добрынюшка. — Али мало силы стало у меня: я мальчонку не сшиб со коня! Неужели я изъездился? Неужели я истратился? Неужели я избился со Змеей? Неужели я простился со своей богатырскою силушкой?» Призадумался Добрынюшка. Видит: дуб стоит кряковистый — в два обхвата этот дуб вековой. Подъезжает богатырь удалой, бьет по дубу он палицей. Богатырским ударом одним расшиб дуб по ластаньям, разбил весь по щепочкам! «Вижу, сила у меня как была! Значит, смелость не по-прежнему!»

В конце концов встреча закончилась рукопашной схваткой, и богатыренок свалил Добрыню и оказался... девицей. Да, перед Добрыней девица, молодая пересмешница: «Здравствуй, здравствуй, Добрынюш-

ка! Здравствуй, здравствуй, Никитьевич! Я давно тебя поискивала, за тобой давно поезживала! Я — Настасья Микулична, молодая дочь Микулина... Мне назвать бы тебя батюшкой? А я батюшкой тебя не назову! Мне назвать бы да братцем тебя? А я братцем тебя не назову! Мне назвать бы да мужем тебя? А я мужем тебя назову! Ты в меня, Добрыня, влюбишься, ты на мне, Добрыня, женишься!» Женился Добрыня.

Из богатырицы могучей, из поляницы удалой стала добрая, верная жена. Выпало на долю Добрыне ехать в опасный и долгий поход. Заказал Добрыня: «Через шесть лет не вернусь — воля твоя, Настасья, хочешь вдовой живи, хочешь замуж выходи. Не выходи только за Алешу Поповича — он мне крестовый брат; а крестовый брат пуще родного!»

Прошло шесть лет — Добрыня не вернулся. «Буду ждать еще шесть лет!» — от себя заповедала Настасья. Прошло и еще шесть, а всего двенадцать лет. Противится Настасья, не сдается, не выходит за Алешу замуж. Но князь Владимир насильно заставляет ее согласиться. И вот — свадьба с Алешей. Однако на пиру появляется Добрыня, и Алешкино дело расстраивается.

Другая сестра — Катерина Микулична, эта насмешница да и сметливая-догадливая-умная женщина. Она замужем за Ставром. Муж Катеринин возьми да и похвастайся на пиру перед князем Владимиром женой своей, что она такая ли затейливая, да находчивая, и шутница, что самого князя Владимира купит, продаст и выкупит.

Рассердился Владимир на такое хвастовство Ставрово и засадил Ставра в темницу, в погреб за решетку. А Ставр успел дать весточку своей «семеюшке». А та недолго думала, скоро собралась. Вынарядилась в мужчину и явилась в Киев под видом грозного иноземного посла. Посланник из чужого государства Катерин Микульевич немного-немало потребовал: жениться на племяннице Владимировой на Купаве Путятичне. А Купава сама — не из дурех она — трижды догадывалась по приметам некоторым, что не грозный посол ее сватает, а переодетая женщина шуточки шутит. Об этом Купава трижды же и Владимиру говорила, трижды просила не делать посмешища на весь белый свет: не просватывать ее, девицу, за женщину!

Тревога, и подозренья, и сомненья Купавнины передавались и Владимиру. Но Катерина Микулична те сомненья все умно отводила, а князя Владимира ловко вокруг пальца обводила.



Закажет Владимир «парную баенку», чтобы вместе с послом помыться. Думает князь — перехитрю-де гостя! Да тихо собирается князь, долго ворочается. Когда-то повыберется он из терема в банюшку, а посол уж и навстречу ему катит помытенький. Вот и выведай-узнай, князь: кто посол — женщина или мужчина? И еще раз князь ломает голову, выдумывает способ, как вывести-узнать про пол пословский. И решает Владимир — позвать борцов! Верное: женщине ли в борьбе против мужчины устоять! Да могучей дочери Микулиной — что они, борцы эти? Поборола всех борцов! Что остается еще Владимиру? Вот стрельбой из лука испытать! Бабе ли, думает князь, против моих лучших лучников со стрельбой из лука выступить. Ой, да и тут в просчете недалекий князь: Катерин Микульевич такое уменье и силу показал, что уж и не найтись во всем Киеве богатыря против его!

После княжеских всех испытаний и допытов «грозный посол немилостивый» и еще грознее, и еще немилостивее стал: грозит он на Владимира войной пойти, город Киев на дым спустить, киевлян всех под меч склонить, самого Владимира в полон забрать, дочь Владимирову в наложницы взять.

С перепугу князь на все согласен. И ведет Владимир племянницу Купаву под венец... с женщиной. А после венца грозный посол инодержавный приказал привести из темницы-заключенья-заточенья Ставра. И тут истина раскрывается, и тут правда выясняется, и тут дело выявляется, как провела Катерина Микулична, жена Ставрова, как она провела, купила, продала и выкупила самого Владимира! Смеху-то!

А третья сестра — Василиса Микулична, у нее судьба самая плачевная — была Василиса замужем за охотником, за Данилой Ловчанином, жила с любимым мужем душа в душу, сердце в сердце, думочка в думочку. Да нагрянуло бедствие...

Задумал Владимир жениться. И говорит на пиру боярам: «Поищите невесту мне!» В ответ попризамерла застольщина, приутихли застольники. Только выскочил выскочкой сын боярский Мишаточка: «Свет ты, батюшка Владимир князь! Много я по свету езживал, много слыхивал-видывал и княжон, и королевичен, и царевен из разных стран. Только я нигде не видывал, никогда я такой красоты не встречал, я пригожины лучше той молодой жены, молодой жены Данилы, Ловчанина-охотника удалого Денисьевича. И красива она, и умна, и ко грамоте грамотна, и горазда на всякие дела! Василиса Микулична... Вот была бы княгиня тебе!»

На Руси жен выбирали зачастую не по родовитости, а по красоте. И. крестьянская дочь Микулина могла бы стать женой Владимировой, княгиней киевской. Однако рассердился князь, разгневался: «Еще где это видано, еще где такое слыхано — от жива мужа жену отнять? За совет такой, Мишатище, прикажу тебя судить-казнить, в землю-матушку живым зарыть!»

Мишатка начал выкручиваться: «Уж ты, батюшка Владимир князь! Не в обиду слово молвлено: о тебе озабочено! погоди меня судить-казнить, прикажи слово вымолвить... Не о том я хочу сказать, чтоб жену у живого мужа взять, а о том я хочу сказать, что Данилушку надо испытать... Что за думу он в себе затаил? Что за умыслы хмурые унес?.. Повелим мы поймать ему белогорлицу-пташицу, да орла сизокамского, да убить зверя лютого льва... Для проверки вышлем в полюшко богатырскую дружинушку... Ты доверь это дело, князь, мне!»

Владимиру такое слово к сердцу пришлось, а Илья Муромец догадался, что худое затевается: «Уж ты, батюшка Владимир князь! Изведешь ты ясна сокола, не поймашь белой лебеди!» И угодил Илья в наказание за прямое слово по приказу Владимирову в погреба во глубокие, в подземелья подкаменные, во застенья беззаконные.

Мишатка Пересмякин сын доставил от Владимира ярлыки скорописчатые в дом ко Даниле. Василиса ярлыки приняла-перечитала, догадалась-додумалась: для чего и к чему все они. Залилась слезами горькими. Выезжала в поле чистое, отыскала друга милого и все тревоги перед грозной бедой Данилушке поведала.

«А напрасны тревоги твои, Василиса Микулична! Мы заданье княженецкое мы пойдем с тобой да выполним!»

Подъезжал Данил Денисьевич с Василисой Микуличной к своему двору широкому, говорил жене, приказывал: «Ты неси, моя верная жена, мал колчанец каленых стрел!»

Принесла Василисушка и не мал, а велик колчан. Рассержался Данилушка: «Чего ради, неотецкая дочь, ты меня поослушалась?» Ответчала Василисушка: «Тебе стрелочка лишняя пригодится во честном бою!»

Вот поехал Данилушко на луга Леванидовы... Увидел он: от Киева не белы-снежки-белешеньки залегли-забелелися, ай не черные грязи там пробегли-зачернелися. Забелелися белые шатры, зачернелися кони вороны: это силушка-дружинушка повалила от Киева. Затрубили

трубы грозные, загремели латы кованые, всколыхнулись копья острые. Догадался Данилушка: «На меня сила грозная, сила-рать идет великая... Знать, я князю стал не надобен!»

Еще видит Данило Ловчанин: как из города Киева, что не два слона слонятся, не два дуба шатаются. Это слонятся-шатаются два могучие витязя: это брат его Никитушка на него идет боем-войной! Ах да и крестовый брат — сам Добрынюшка Никитьевич тоже в бой идет неправедный на Данилу на Денисьевича!

И повесил Данилушка удалой буйну голову: «Знать, и правда господь на меня за грехи мои прогневался — Володимир князь осердился; вышли братья супротив меня! Уж и где это видано, уж и где это слыхано, чтобы брат на брата боем пошел?! А не быть междоусобице!»

И берет добрый молодец он копьё в руки острое. И тупым концом всаживает во сырую землю-матушку. А на острый конец, на копьё добрый молодец сам валится. Распорол груди белые, позакрылись очи ясные...

Подъезжали тут два богатыря. Увидали-прослезились. Постояли-наплакались. В Киев град воротились и сказали Владимиру: «Закадилася ясная, не взойдет звезда восточная, не воскреснет Данилушка!»

Владимир не печаловался, Владимир возрадовался, Владимир сажался-спешил в золоченую колясочку, прикатил к Василисушке, целовал-миловал вдову. Говорила Василисонька: «Не целуй меня, Владимир князь: у тебя уста кровавые! У меня душа печальная без друга без милого, без Данилы Денисьевича!»

Уговаривал Владимир князь, успокаивал печальницу: «Гой еси, Василисушка! Да пройдет туча темная, воссияет красно солнышко! Ты пойди-нарядись-уберись в подвенечное платье, с жемчугами платье белое!»

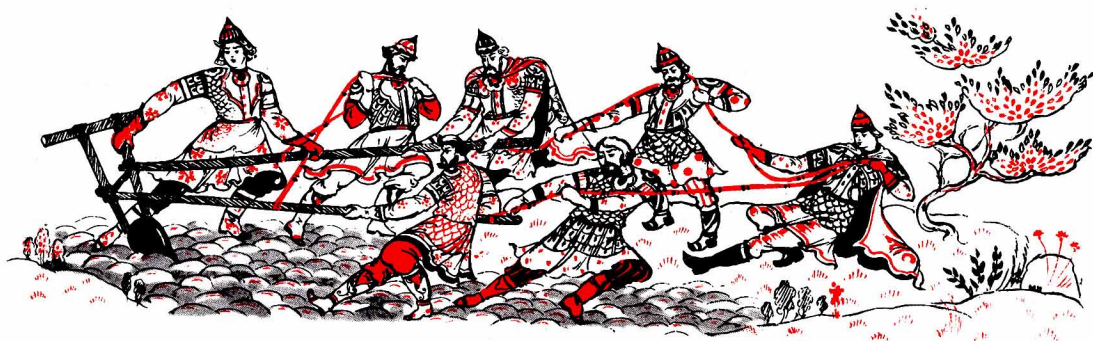
Уходила Василисонька, наряжалась в платье белое с жемчугами подвенечное. Воротилась ко Владимиру, говорила таковы слова: «Уж ты, батюшка Владимир князь, ты пусти-отпусти меня распрощаться со милым дружкой со Данилою Денисьевичем!»

Отпускал ее Владимир князь. Посылал двух могучих сильных витязей. Подходила Василисушка ко милому-дорогому дружку, поклонилась Данилушке до земли она Денисьевичу. Не рыдала, не плакала, таково слово молвила удалым славным витязям: «Гой еси, вы добры молодцы, святорусские богатыри! Вы пойдите ко Владимиру, вы ска-

жите князю батюшке: не пройдет туча темная, не взойдет красно солнышко!»

Вынимала Василисушка из потайника булатный нож. Молодую грудь колола себе против сердца ретивого. На милого друга падала. Воротились посланники, говорили Владимиру: «Извели мы ясна сокола, не поймали белой лебеди!»

Вот каков он род крестьянский, род Микулы Селяниновича: в труде он богатырен, от земли не отрывен, в жизни весел, в любви и верности его сломить нельзя!





СКАКАЛ КАЗАК ЧЕРЕЗ ДОЛИНУ



нашей вятской стороне, в Ключинской деревне казаков нет, казачества не водится. Однако вольный ветер заносил к нам и казацкие песни, и казацкие поговорки, и казацкие пословицы. Когда какой свободный-независимый удалец захочет похвалиться своей свободой, похвастаться вольностью, он заявит: «Я вольный казак!» А мой отец в трудные минуты, тяжелые дни всегда говаривал: «Терпи, казак, притерпишься — атаманом будешь!»

Дивно ли, что о казаках я наслышался, и меня вот брали завидки, что я не казак. Малому малышу хотелось необычины, свободы и удалости, казацкого поскаку, молодецкого полету, и быстроты, и широты, и высоты. Ах, высота была — высота поднебесная! Ах, широта была — широта полевая! А быстрота! А быстроту я из Воронка выжимал. После работ полевых по субботам мы с мальчишками верхом угоняли лошадей на воскресенье пастись на луга, где их и оставляли на пастьбе одних. А пастись в ночном? У нас такого обычая не было.

Выезжали мальчишки из деревни гуртом-табуном наперегонки. Кто постарше, да посильнее, да поспоровистее, тот гнал вперед на всю

прыть лошадиную и обязательно «скоком», а я позади трусил рысцей. Потом одолел в себе робость, научился скакать и я.

Скачу на своем худорезебром коняжке, от топота копыт пыль по полю летит, а ветер в лицо дует-обдувает, рубашку за крыльцами пузыряем раздувает, а дух ликует, а душа радуется. И кажусь я себе уже настоящим «вольным казаком», что твоя картиночка из книжки: мчится казак во весь опор — передние ноги у лошади воздух загребают, задние землю отшвыривают. Красота! А со стороны глянь на те наши скачки-гонки-перегонки ребячьи — любоваться нечем: лошадачки позадерганы, на поездках позаезжены, на пашнях поизмучены, на работах поиздержаны за лето-летенское.

А стар казак Илья Муромец был незримым свидетелем и поощрителем «удалых» тех ребятишечьих поездочек. Да, Илья Муромец сильный, да, Илья Муромец величественный, да, Илья Муромец притягательный образ былинный. А ведь не самой большой силой владел он, не такой, скажем, как у Святогора, и не умел обращаться он ни в щуку, ни в сокола, ни в оленя, ни в серого волка, как умел Вольга, ни со змеями не змееборствовал он, как Добрыня Никитич.

Поскольку втайне я считал, я мнил, я в мечте держал себя лихим донским казаком, то по одному этому «стар казак Илья Муромец» особенно к ребячьей душе припал.

Понятно, мое детское восприятие Ильи Муромца оставалось детским же: я все понимал в прямом, а не переносном смысле — дословно-пословно-буквально. Если в былине Соловей-разбойник, так и я уверен, что это птица-соловей, только большая-страшная-могучая-непобедимая и разбойная. И в Илью хотелось верить, во всю силу Ильину непомерную. Так я и верил, особенно после того, как однажды услышал рассказы с клюжинскими преувеличениями о силачах-борцах в цирках.

Считается, что если Илье Муромцу «во бою смерть не писана», то это принижает богатырскую значимость подвигов Ильиных, обесценивает художественную ценность былины, ослабляет впечатление от сказанья о беспокойной и волнующей ратной жизни Ильи Муромца. А пожалуй, и каждому в голову приходит эта мысль: раз уж наперед определено, что богатырь в бою не будет убит, во сражение не погибнет, то в кровавых битвах-сеченьях, когда всякий другой богатырь на краю от гибели, на волосок от смерти, в этих схватках для Ильи-то нет никакой страстибы, ни борьбы со страхом, ни победы над человеческими

слабостями — одна победительная-скучная прямизна; и та прямизна должна бы, казалось, удушать всякую художественность. Таковы мысли на сомненья влекут.

А сомненья те ложны. И это сразу выявится, стоит лишь попытаться хотя бы мысленно отнять у нашего богатыря это былинное диво — *бессмертье в боях и сраженьях*. Былина вмиг пустеет, а пустыня ущемляет душу осознанием: от Ильи вы отняли *самое главное!*

Да тем-то и велик, тем-то и прекрасен наш славный защитник Руси, что ему, как и самой Руси, «во бою смерть не писана». А в некоторых былинах и больше того сказано, что на земле Илье смерть не писана, например, у сказителя П. Е. Миронова:

Ай говорили старцы прохожие:

«А ведь и живи, Илья, да будешь воином!

А на земле тебе ведь смерть буде не писана,

А во боях тебе ли смерть буде не писана».

Богатырь Илья *бессмертен на земле*, бессмертен в боях и сраженьях. Нет нужды считать *случайной* эту важную, эту коренную, эту исключительную черту в образе Ильи Муромца.

Если Вольга — образ совершенного военачальника-полководца, образ, который возлелеян народом в тысячелетней борьбе с иноземными пришельцами, то Илья Муромец — это *сам русский народ в его борьбе и труде, в его военных сраженьях в защиту родной земли*. А русскому народу в бою смерть не писана!

Если новгородские славяне — они же только часть русских — гордо сравнивали свой Новгород с самим богом: «Никто против бога и Великого Новгорода!», то есть одному только городу приписывали божественную, а значит, и бессмертную суть, то почему весь народ не мог бы о себе сказать, что он на земле бессмертен? А значит, вправе он приписать бессмертье и богатырю своему Илье Муромцу.

Илья Муромец, кажется, единственный такой в мировых народных твореньях богатырь-герой, которому на бою смерть не писана. Над всеми воинами, над всеми богатырями-героями и даже над богами у всех народов господствует *рок-судьба-предопределение*. И рок беспощаден, и судьба слепа и неминуема, а предопределение губительно: все герои смертны, они бессильны перед роком. Иногда предсказатели наперед узнают судьбу и предрекают. И какое предречение будет, то оно с неизбежностью и надвинется, и настигнет героя. Обычно рок, или судьба,

или участь неминуемая предопределяют богатырю неотвратимую гибель или смерть, она же и наступает с роковой неизбежностью: от ее, от смерти, ни уйти, ни уехать, ни щитом оградиться, ни стрелой отстрелиться. Поэтому все богатыри и герои одержимы страхом перед смертью, перед роком, перед погибелью. Истинные герои побеждают страх перед смертью и только тем и могут кинуть вызов року или судьбе, что с открытым лицом пойти смело на встречу с неминуемостью. Каждый из истинных героев вслед за Таризлем Шота Руставели готов повторить: «Лучше гибель, но со славой, чем бесславных дней позор».

Однако у Ильи Муромца совсем иное предназначенье. Илья свободен от страха перед смертью затем, чтобы оградить народ от страха перед смертью. Илья лишен ужасов перед погибелью затем, чтобы бороться с ужасами, в которые повергали народ пришедники-поработители. Илье не до личных страданий, когда народ повержен в жестокую страстьбу. Над Ильей не властен рок, а потому Илья и бессмертен. А не властен рок над Ильей потому, что сам русский народ — это народ победитель над роком. И народу нашему Илья Муромец как богатырский образ нужен был не для того, чтобы слушая песни о нем, потрясаться страданиями и муками, исполняться ужасами и трепетами, исторгать из груди стоны, а из глаз слезы. Нет, Илья Муромец надобен был, и остается, и будет надобен и ныне и в будущем не меньше, чем в прошлые века, он надобен русскому народу, чтобы утвердить себя как победоносца над роком и судьбой, чтобы поверить во свое народное бессмертье. Важно, очень важно осознание народного бессмертья советским воином и в наши дни. Наш воин, как Илья Муромец, должен знать, что и ему в бою смерть не писана, и что даже смертным подвигом своим он смертью смерть побеждает, что он, советский воин, доблестной гибелью своей делает бессмертной Родину, а бессмертная Родина дает бессмертье и ему, и всем, кто пал в бою за нее. *«Во бою тебе смерть не писана!»* — это художественное воплощение житейской народной мудрости, это отцовский завет детям своим, завет о том, как вести себя бойцам в битвах за родимую страну.

Илья Муромец в былинах не бог, а человеческий человек и все беды-невзгоды, и поражения, и плен, и всякие роковые опасности, а они сыплются на Илью, и все они, эти ратные беды-невзгоды все равно наполняют сердце тревогой за любимого богатыря. И вот бессмертье Ильино — оно ничуть не снижает, не ослабляет художественного воздействия от былин.

Но Илья Муромец не только военный богатырь: он труженик на земле, созидатель в устройстве Руси, поборник правды и справедливости, бунтарь против несправедливого правителя, против киевского князя Владимира. В Илье Муромце воплощен высокий дух, и воинский, и созидательный, подвижнический, и трудовой-земледельческий. Недлинные-короткие былины об Илье Муромце, а наполнены они все глубоким смыслом и нравственной красотой.

Тридцать лет сиднем сидел Илья, пока обрел богатырскую силу. И тогда русский народ определил ему: «Будешь ты, Илья, всем велик богатырь, во бою тебе смерть не писана: бейся-ратися с врагом-недругом и со всякой поляницею удалою!»

А не сразу полетел Илья «биться-ратиться». Первым подвигом был у него не военный, а хлебопашеский, когда пошел Илья ко родителю на работу на ту на крестьянскую. Он дубье-колодые все повырубил, во глубоко реку все повыгрузил. Расчистил поле для посева хлебов.

А когда поехал в Киев послужить Руси, то отец Иван Тимофеевич дал ему благословенье тихое «на добрые дела», а вот на худые — «а на худые дела благословенья нет!» Да к тому еще добавил отец и наставленье твердое:

Поедешь ты путем-дорогою,
Не помысли злом на татарина,
Не убей в чистом поле крестьянина.

Дивное отеческое наставленье — как ни досаждают татары, а все же Иван Тимофеевич наставляет сына: «Не помысли злом на татарина», хотя сын и в кольчуге, и в латах, в броне богатырской, с копьем, с конем, со стрелами и луком, и с мечом святогоровым. Сын внимает отцу, не перечит наставленью, а, напротив, с добродушьем и незлобивостью, после того как взял у батюшки да у матушки «прощеньице-благословеньице», то и сам

Кладывал он заповедь великую:
Не съезжаться, не слетаться в чистом поле
Да не делать боя-драки, кроволития.

Мирный отъезд с мирными благословеньями и наставленьями и с мирной заповедью. Мирно он и начинается: Илья Муромец прокладывает пути-дороги по непроезжим лесам, по грязивым местам, он гати



гатит, он мосты мостит. Где колодец выкопает, где часовеньку поставит и надпись не забудет надписать:

Ехал сильный-могучий богатырь
Илья Муромец сын Иванович...

Без ложной скромности, по богатырской прямоте! И все с основательностью и с небывалой быстротой делает на пути Илья. А вот заповеди, и родительскую и свою, пришлось ему нарушить и вступить в бой-драку-кроволитье с неожиданными врагами на пути. В битве побеждает он враждебное войско трех царевичей, но проявляет великодушие и отпускает пленников со словами:

Поезжайте вы по своим местам
Да чините везде такову славу,
Что святая Русь не пуста стоит:
На святой Руси есть сильные,
Есть могучие богатыри на Руси!

А пока Илья доехал до Киева, то и еще раз пришлось ему нарушить заповедь и вступить в бой теперь уж с Соловьем-разбойником. И показал он в этой борьбе не только удаль молодецкую да доблесть богатырскую, но еще и бескорыстность-неподкупность. Соловьевы дети намеревались выкупить отца, подкупить богатыря. Они не догадывались, что русский богатырь золотом не обольщается, богатствами не завлекается, поэтому принялись было за торг, чтобы батюшку выторговать: «Ай же ты, удалый добрый молодец, ты возьми, ты бери-ка за батюшку хоть красного бери ты золота, хоть чистого бери ты серебра, хоть скатного бери ты жемчугу, сколько можешь увезти ты на добром коне...»

Бескорыстный Илья не пошел на сделку, не позарился на богатство, не отпустил врага, но проявил хозяйскую сметку и государственный ум: не пропадать же сокровищам! И приказал всю несчетну золоту казну нагрузить на телеги ордынские и привезти в город Киев ко солнышку князю ко Владимиру.

Такова судьба Ильи Муромца: задумал он в мирный путь-дорогу отправиться, замыслил вместе с родителями, с отцом-матерью не брать в дороге в руки тугого лука, не вынимать оружия, не кровавить мечакладенца, да пришлось ему мирный путь обратить в военный поход, а созидательные намеренья — в ратные дела.

Кто таков Соловей-разбойник? Считалось, что в борьбе с Соловьем-разбойником запечатлена борьба Руси с разбойничеством на больших

дорогах и в дремучих лесах. Теперь эта догадка оставляется, и предполагается другое. В былине об Илье и Соловье отразилась борьба Руси с враждебным племенем *голядь*. Оказалось оно среди русских земель и мешало проезду-проходу и всяким сообщениям и связям между Киевом и северными городами. Борьба и победа Руси над разбойничающим племенем и стала исторической основой былины об Илье и Соловье.

Илья Муромец из крестьян. И былины гордятся своим крестьянским сыном. Крестьянское происхождение Ильино и враждебное отношение к нему порождает. Так, уже при первой встрече в Киеве в княжеской гриднице с боярами и дружиной киевской, после того как богатыри и бояре и сам князь Владимир убедились в богатырском превосходстве Ильи, а князь вынужден был сразу же поставить Илью атаманом над дружиной княжеской, после такого быстрого возвышения богатыря-мужика-чернопахотника досадно стало Алеше Поповичу:

Ухватился Алеша за булатный нож,
Он и кинул его в Илью Муромца.
Поймал на лету Илья булатный нож,
Взоткнул его во дубовый стол.

Так простым и молчаливым, но ловким поступком утвердил Илья свое крестьянское превосходство над поповским родом Алешиным. Заметим кстати, что во всех былинах и в живописи у русских художников Алеша Попович много моложе Ильи Муромца. А тут получается, что Илья только появился в Киев, никто о нем не слыхивал, никто его не видывал, тогда как Алеша Попович к этому времени уже известный богатырь. Кто же кого моложе? Как разобраться? Разберемся. Другие русские богатыри против Ильи рано начали богатырствовать. Добрыня совершил свой первый подвиг — бой на Днепре со Змеем в 15 лет. Молодым выехал поляковать и Алеша Попович. Да и сам Илья очень рано — малюткой — проявил свое богатырство, как поет о том казацкая песня, да какая-то болезнь свалила его, обрекла на лежанье и сиденье, когда сиднем да лежнем не владел он «ни руками, ни ногами». Тридцать лет и три года было Илье, и тогда он получил чудесное избавление от недуга. А дальше он обучался богатырским поездочкам, молодецким ухваточкам, военным умениям, ратным делам у Святогора-богатыря. От него Илья получил свой меч-кладенец после ужасной Святогоровой гибели: Святогор сам себя заживо захоронил в роковом гробу. А после смерти Святогоровой Илья еще ездил к отцу Свято-

гора, чтобы поведать ему о гибели сына. На все это ушло много времени, может быть с десятилетье. И тогда Илья в Киев явился лет так сорока трех. По-видимому, не зря почти все былины уже с первой поездки Ильиной называют его старым казаком, то есть опытным воином, бывалым богатырем и не в самых молодых годах. Алеше же при первой встрече с Ильей могло быть всего лет 18—20, а то и еще меньше — он, Алеша, из молодых, да ранний.

Удивительны незлобивость и незлопамятство у Ильи Муромца; враждебную выходку Алешину Илья быстро позабыл. И когда Алеша Попович совершил богатырский подвиг: оградил Киев от вражеского нашествия, избавил стольный город от чужестранного вторженья, и когда Владимир — хоть он и Красное Солнышко — но по равнодушию не оказал почести за подвиг витязю, не воздал хвалы богатырю, славы — славянину, тогда Илья Муромец заставил Владимира изменить свое бездушное отношение к Алеше на радужное. Правда, это случилось позднее: Ильи Муромца ко времени Алешинского подвига в Киеве не было — он был в походе, на сторожевой службе. Однако атаман, как он приехал в Киев, да как прознал про несправедливость, так и восстал против и усомнил Владимира. И князь вызвал Алешу, и оказал ему все почести, воздал хвалу богатырю, славу — славянину. У попа глаза завидующие, у попа руки загребушие, у попа карманы бездонные. А вот Алеша Попович не в попа пошел: оказался и он бескорыстным. И когда Владимир стал Алешеньку тут жаловать, и села ему жаловать с приселками, города ему — с пригородками, и казна-то была не закрыта ему, то Алеша, как и следует быть русскому богатырю, отказался от всяких благ:

И ставал тут Алеша на резвы ноги,
Говорил Алеша таковы слова:
«А не надоть мне сел с приселками,
А не надоть мне городов еще,
А не надоть мне золотой казны...»

Одного только и попросил Алеша: погулять со дружиной да с братцами названными, так с Ильей да с Добрыней — они еще раньше «добры молодцы *поназвались*».

Илья Муромец всегда на защите слабых против сильных врагов, всегда на стороне обиженных против Владимира. Так было с богатырем Сухманом. Получил Сухман наказ от князя: поймать-привезти для забавы живую-некровавленную лебедушку. Да постигла неудача охот-

ника Сухмана, не только лебеди, а и серой утицы не удалось выследить: нагрянула татарская рать, распугала птицу. Один богатырь Сухман сражается и побивает врагов, но и сам получает тяжеленное раненье. И без лебеди, раненый, прибывает он во княжеский дворец. Князь проявляет сварливое недоверье, бранится-ругается, что Сухман не привез для игры-забавки живой-некровавленной лебедки, а в подвиг, а в битву с татарами Владимир не верит и заключает богатыря в темницу. За Сухмана вступается Илья и доказывает правоту богатыря. И Владимир вынужден выпустить Сухмана из подземелья и обещает обиженному за подвиг награду. Но обида от князя так велика, что Сухман погибает от обиды, от волнения, от кровавых ран.





Почему не всегда красно светит Красное Солнышко

Красное Солнышко Владимир князь» да «ласковый стольно-киевский» — такими словами «украсно украшено» имя Владимирово во всех былинах и сказаньях. И народ так тепло и приветливо обращается ко Владимиру, и все окружение княжеское. Один только Илья Муромец в ссоре с князем может ему прямоиком бросить в глаза нелестное слово, ругательную речь: я-де, Илья, встану защитой против недруга только ради вдов и сирот. Таков он, Илья Муромец: в речах прям, перед князем независим! Так откуда же и каким светом так светло светит киевский Владимир князь, что сравнивать его можно только с красным солнышком?

Киевский князь Владимир знаменует единство Руси. И ради этого единства в Киев ко князю едут-съезжаются русские богатыри, едут ко Владимиру, а служат одной и единой Руси. А единая Русь без раздоров и усобиц — это свет светлый для русских людей. А потому и князь Владимир — Красное Солнышко. Былинный Владимир заботится о

благополучных и мирных сношениях с «иншими», то есть с иными странами, царствами, государствами: отсылает с посольскими заданиями своих послов из сильных богатырей, чаще Добрыню Никитича, принимает иноземных послов, а и те послы бывают ино и грозными, и страшными, и свирепыми, и беспощадными. Тогда Владимир торопится задарить их золотой казной и спешит найти на Руси богатыря-защитника. А найдет, так «дает наряд» на битву со врагом. А сам былинный Владимир в битву никогда не ввязывается: он не воин и не завоеватель, он очень мирный властитель и о мире больше всего печется-заботится. И за это миролюбие в отношениях с иностранными государствами князь Владимир особенно люб народу, и потому он и еще раз Красное Солнышко.

Народ любит Владимира? Да! Ведь ни одна богатырская былина из киевского былинного цветника не обходится без Владимира Красного Солнышка. И только в некоторых разночтениях в былинах о Мамаевом побоище Владимира уже нет, а его место занимает Илья Муромец.

А и при всем том любовном отношении ко Владимиру Красное Солнышко в былинах не всегда красно светит.

Немало забот уделяет Владимир пирам и пиршественным занятиям. Сами по себе пиры еще не могут снизить художественного образа. Тем более были они в то время и советом князя с дружиной. Да и народ любит повеселиться, погулять, развернуться душой удалой в песне ли, в пляске ли, в похвальном слове ли. Пир, праздники, увеселенья нужны народу. Впрочем, не через меру. Черезвычайных пировлян народ высмеивает издревле: «Из лука — не мы, из пицали — не мы, а попить, поплясать — лучше нас не сыскать!» Пословица сохранилась с XV века, если не с XIV!

О первых доблестях, богатырских подвигах Ильи Муромца киевляне узнали на пиру. На том же пиру Владимир князь назначил Муромца и атаманом над дружиной богатырской. Не выпивальным делом, конечно, Илья возвысился, а победой над Словенем. На том же пиру и Владимир Красное Солнышко показал, что солнышко это и мутноватой поволокой может заповолачиваться: робок и труслив оказался князюшко перед Словенем-разбойником.

Обычно в разгарную пировлю являются ко Владимиру грозные послы из чужой орды или враждебной земли. И Владимир малодушничает перед опасностью, Красное Солнышко и еще больше тускнеет.

В былинах про Владимира еще и такие сказы сказываются, что Красное Солнышко после них уже и совсем не красно светит. Взять женитьбы киевские. И самого Владимира попытки жениться, и свершенная женитьба его, затем свадьба Алеши Поповича, Дуная Ивановича, Михаила Дунаевича Потока. И везде, во всех тех брачных делах, задумах и свершеньях одно: которые женитьбы со Владимиром связаны или хотя бы свершаются в гриднице его, и те женитьбы несут в себе всегда несчастье. Так от одного только замысла Владимирово жениться неотвратной погибелью погибает Данило Ловчанин и супруга его верная Василиса Микулична. А когда Владимир наконец-то оженился, то и та оженитбища мрачна и стращерна: прошла она через кровавые деянья и насилиья. Невесту Владимиру добывали Добрыня да Дунай — они поехали со сватаньем в Поморское царство, а сватовство обратилось в битву-насилиство: король Поморский, как и сама невеста, не захотел родниться со Владимиром из-за худородства Владимирово, он с насмешкой отказал сватовьям: «Да как ваш-от князь невелик собой... Ваш князь Владимир был холопищем!» Богатыри-сваты учинили драку — теперь уже не за Русь, а за невесту, — убили короля Поморского, насильно умыкнули невесту. Словно бы в воздаянье за насильничанье судьба наказала Дуная: в конце свадебного пиршества Дунай пропил свой разум, и пьяный в припадке неразумной гордости убил свою супругу Днестру-королеву, да и сам покончил с собой, протрезвевши перед свершенным бедствием.

Меркнет образ Владимиров, не светло светит Красное Солнышко еще и от ссор Владимировых с богатырями. Князь частые обиды наносит русским витязям либо недоверьем к ним, либо несправедливым гневом. Своим самодурством князь и вовсе разгоняет всю дружину богатырскую, и перед татарским нашествием Киев оказывается без защитников. На ссору со дружиной толкают Владимира обычно «бояре кособрюхие». Бояре сильны, бояре влиятельны, бояре власть имеют непомерную, и Владимир князь у них на поводу. И когда через боярские же козни Владимир остался без богатырей-защитников, а к Киеву подступили несчисленные Батыевы полчища, то бояре тут, конечно, ничего путного князю посоветовать не смогли. Смирил Владимир свою гордыню и обратился за советом к народу.

Вот растревоженный, вот напуганный князь идет по улице и встречает большую, да среднюю, да меньшую подсушину. *Подсушина* — слово-то какое! А ведь будешь и подсушиной, когда правители из тебя

душу вымучат, силы вымотают, соки высосут. Подсыхает и береза весной, когда соковицу-березовицу сладкую через меру изымут из нее.

Ну так вот идет Владимир искать совета, и в том ему отказывает и большая, и средняя подсушина:

«Батюшка солнышко, Владимир князь!
Ты не с нами думу думаешь, с боярами,
Могут они тебе способствовать...»

И только самая повывотанная, самая сухая подсушина, самая маленькая, меньшая не таит обиды против князя:

«Здравствуй, солнышко Владимир князь!
Что идешь не по-старому?
Что повесил буйну голову?
Что потупил очи ясные?» —
«Гой ты, меньшая подсушина!
Есть над городом невзгодушка,
Есть над Киевом великая
Для меня тоска-кручинушка.
Ты не знаешь ли, подсушина,
Где наезжего богатыря?»

Меньшая подсушина знает и советует князю:

«Ты пойдика по Киеву,
На царевы зайди кабаки,
На кружала государевы;
Там на печке на муравленой
Там лежит добрый молодец.
Ни креста на нем, ни пояса,
Ни рубашки полотняной.
На вино все пропито,
В кабаке позаложено...»

Разогнал Владимир богатырей из Киева дурным своим отношением к богатырству... Ну вот теперь и иди, князь, в питейное место да ломай шапку перед пьяницей.

Васька-пьяница пока он был не у дел, то пропился до нитки. А когда позвал его Владимир встать ратоборцем за Киев, то он восстал из ничтожества и славным богатырем вступил в борьбу с Батыем Батыевичем. Первый подвиг: Василий Игнатьевич еще из города Киева убил стрелой у Батыя «три головки самолучшенькие» — сына, зятя и дьячка-выдумщика. Есть мнение, что в былинном событии отразилось историческое происшествие, когда в 1382 году в битве москвичей с ханом

Тохтамышем суконщик Адам со стены «пусти стрелу из самострела и уби некоего от князей Ордынских сына, нарочита и славна суща, и велику печаль сотвори Тахтамышу царю и всем князьям его». На это скажут иные: в 1382 году не было Владимира да и Киев лежал все еще в развалинах после разоренья его татарами...

Да ведь былина не летопись и даже не воинская повесть. Она не описывает исторических событий в точном изложении, но на основе истории создает свое поучительное диво на страх врагам, в назиданье потомству. Былина использует исторические действия, но перерабатывает их в обобщенные художественные образы. Да и сам Владимир князь стольно-киевский тоже такое вот художественное обобщенье. Прообразом его был Владимир I, или Святой. Но допускают, что былина взяла некие черты и от Владимира Мономаха, и даже от Ивана Грозного. И вот историческое действие — убийство врага с городской стены простым суконщиком — оно могло быть основой для былины о Василье Игнатьевиче, о богатыре из народа, и к нему в нужде прибегает за помощью сам Владимир князь.

В некоторых разночтеньях былины о Василье Игнатьевиче богатырь свергает бояр, избивает их с помощью татар, но Владимира не трогает, а после сам расправляется и с татарами. Казалось бы, что если худ князь, то и в грязь его, если Владимир «не с нами думу думает, с боярами», то раз бояре устранены, то надо было бы устранить и Владимира. Нет, народный богатырь Василий Игнатьевич не желает этого, и он отстраняет от власти бояр, а князя оставляет; ему князь нужен, но только чтоб князь этот был истинным Красным Солнышком.

А как мы видим по былинам, Владимир не очень красно светит. Отчего это Красное Солнышко да не красно светит? Мы видим также, что *ласковый* князь и не всегда-то ласков. Отчего это от ласкового князя да больше таски, чем ласки, богатырям? Чтобы уловить ответы на эти вопросы, надо маленько в историю былинную углубиться.

Суровая и жестокая правительница киевская княгиня Ольга — православная христианка, а сына имела убежденного да ярого язычника — князя Святослава. Заметим, что *Ольга* — имя языческое. А при крещении княгине было дано имя Елена. Однако языческое имя Ольге было дороже христианского. И она забыла христианское, а носила языческое. После смерти ее, Ольгу, причислили к лику святых; так не Елену же, а Ольгу! И вот в сонме святых появилось языческое имя Ольга.



У княгини Ольги в ключницах была молодая девушка Малка, или Малуша. Ключница — работница, или роба, впрочем, не рабыня, но около того. Святослава Игоревича, сына Ольгина, и Малку в купальские праздники попутали славянские боги Купала да Лель. На берегу Днепра зажег Купала купальские огни, а Лель напоил воздух весенним любовным томленьем. В тех купальских огнях любовных загорелись молодые души княжича Святослава и ключницы Малки. Да Ольга восстала и их разлучила. Малушу из терема изгнала, а Святослава поспешила поженить на венгерской королевне Предславе. Правда, она метила породниться с римским императорским корнем: поженить сына на сестре византийского василевса, то есть императора. Да не повезло Ольге — поехала она в Константинополь за добрым делом: за сватаньем, а показали ей от ворот поворот. Не с тем средством поехала, не то привезла. Олег — этот вот умел разговаривать с византийскими владыками: разговаривал он с ними огнем и мечом, и разговор такой византийцы отлично понимали. На таком же языке разговаривал с ними и муж Ольгин Игорь. И тоже византийские правители понимали его лучше не надо. А княгиня Ольга приехала с одним только человеческим словом и словом хотела вечный мир между Киевом и Константинополем укрепить да за одно уж и связать его законным браком сына с византийской принцессой. А этот язык ромей, то есть восточные римляне, то есть византийцы, понять не пожелали. И пришлось Ольге довольствоваться венгерской королевой.

Если изгнание Малуши из Киева было поступком не очень христианским, на наш взгляд даже бесчеловечным, то дальше Ольга поступила вполне по-христиански: она отняла младенца-мальчика у Малуши, приставила к нему в пестуны брата Малушиного Добрыню и дозволила Святославу усыновить своего внебрачного ребенка и воспитать его как княжича Владимира.

Про Малушу все забыли. Да не забыли, что Владимир — сын робы, или робичич, а по-другому рабынич. Впрочем, это не помешало Владимиру, когда он подрос, сесть на княжение в Новгороде. Когда новгородцы по своему обычаю «призывать князя» явились в Киев ко Святославу за очередным князем, то он поставил туда своего сына. Владимир княжил в Новгороде, а с ним был и его пестун и вуй, то есть дядя по матери, Добрыня.

В те времена на Руси было великое множество языческих богов. Например, одно только солнце представлено было тремя богами: богом

солнца были Хорос, Дажьбог и Ярило. Главным богом считался бог неба Сварог; его дети — Перун, бог грома и молнии, да еще Дажьбог, да еще и другие. Простой народ любил больше всего бога солнца Ярилу и Дажьбога. И русские люди, или русичи, считали себя даждьбожьими внуками. Однако князья и бояре для себя сочли более подходящим Перуна и его стали считать главным богом, а также «по совместительству» богом войны. Большое количество богов да с разными именами у разных славянских племен разъединяло славянские племена. И вот князь Владимир попытался объединить Русь вокруг Перуна, как главного бога для всех русских племен. Правая рука Владимира Добрыня — он теперь уже воевода — принялся приучать новгородцев особо чтить Перуна и воздвиг в честь его в Новгороде внушительного идола — «постави кумира над рекою Волховом».

Посватался Владимир к полоцкой княжне Рогнеде — дочери Рогвольда, который на княженье в Полоцк «пришел из-за моря». Княжна с презрением ответила Владимировым сватам: «Не хочу розути робичича». «Розуть жениха» означало дать согласие на замужество. А тут — «не хочу розуть», да еще с презрительной добавкой «робичича», то есть сына рабыни. Отказ Владимиру чуть не былинными словами — помните? В ответ на отказ собрался князь новгородский, «и приде Володимер на Полотеск, и уби Рогвольда и сына его два, и дочь его поя жене». Так Владимир взял в жены Рогнеду, «поя жене». Рогнеда признавала только силу. А Владимирова сила пересилила силу Рогвольдову, и Рогнеда стала верной женой Владимира. Это историческое событие и послужило основой для былины о женитьбе Владимира; в былинах, впрочем, сватами-насилъниками выступают Дунай да Добрыня, а не сам Владимир.

Князь Святослав завещал своим трем сынам Владимиру, Ярополку и Олегу после его смерти жить в дружбе и помогать друг другу. В Новгороде он поставил на княженье Владимира, в Киеве — Ярополка, а в земле Древлянской, в Искоростене — Олега... Но братья не выполнили отцовского завета, и после смерти Святослава начались между ними усобицы. Ярополк, хоть он уже и успел стать православным христианином, а не поглядел на это: убил своего брата Олега. А дальше началась борьба за власть над Русью между Владимиром и Ярополком.

Ярополк заключил мир и дружбу с извечными врагами земли Русской — печенегами и византийцами, вел переговоры с папой римским и германским императором Оттоном. Изменой Русской земле он

добился того, чего не могла добиться его бабка Ольга: женился на греческой византийской принцессе Юлии.

Гречанка Юлия принесла с собой в Киевский княжеский терем свои греческие свчаи и обычаи да к ним еще подстреканья: пусть муж Ярополк станет властелином над всей Русью, а византийские императоры вместе с печенегами помогут ему в том. Замыслы у Ярополка были велики, а дела малы; намеренья сильны, а действия слабы; жажда львиная, а ухватка шакалиная; полеты соколиные, а посадки вороньи. Думал он владеть Русью, а служил иноземцам. Но чужды Руси были греческие свчаи и обычаи, ненавистны иноземные советники, нелюб князь-христианин, который забыл русский закон, русский покон, отрекся от русских богов, от русской веры, а и с новой верой принес коварное вероломство: стал братоубийцей. И начали отпадать русские земли от киевского стола.

Вот тогда-то князь Владимир нежданно для Ярополка возьми да и выступи из Новгорода с большой ратью в поход на Киев. Поднимался он с призывами за русскую веру против иноземной, за русский закон и покон против греческого, за русских богов против византийских. И восстали русские племена за Владимира против Ярополка. И люб, и близок был, и понятен русскому народу смелый и решительный князь Владимир, буйный язычник, отважный воин, а родом сын простой русианки. Победу за победой одерживал Владимир в походе из Новгорода на Киев. И подошел он к Киеву и взятъем взял его, а Ярополк сбежал вместе со своей Юлией на устье реки Роси в Родню. И были города рады, а села веселы, а Владимир горд победой своей. Горд Владимир, да не спокоен. Знает он, что борьба с братом не окончена — либо брат Ярополк поищет путей убить его, Владимира, либо Владимир должен предупредить и убить брата Ярополка.

И связался Владимир с Блудом, воеводой Ярополковым. И говорил, как гласит летопись: «Посодействуй мне: если убью брата своего, то будешь ты мне заместо отца родного и многую честь возьмешь от меня». И пошел Блуд на предательство. «И рече Блуд Ярополку: «Видиши, колько вой у брата твоего? Нам их не перебороти; твори мир с братом своим»... И рече Ярополк: «Тако буди!»

Уговорил воевода Блуд Ярополка явиться в Киев в терем ко Владимиру, чтобы творить мир и братскую дружбу, а Владимиру Блуд донес: «Уже сбыться мысли твоей, уже приведу к тебе Ярополка и пристрой убить его». Владимир «пристроил» в проходе перед дверями во

свой терем двух варягов с мечами. И когда «приде Ярополк ко Володимеру», то и погубили-сразили его те «два варяга мечьми под пазусте... и тако убиен был Ярополк».

Ярополк убил брата Олега. Владимир убил брата Ярополка. Но не захотел Владимир прослыть братоубийцей, каким прослыл Ярополк, а захотел выглядеть кротким голубем и справедливым судьей. И казнил Владимир всенародно Блуда позорной казнью за убийство Ярополка. И хвалил народ любимого князя Владимира за его мудрость и справедливость. «И нача княжити Володимер в Киеве один, и постави кумиры на холму вне двора теремного: Перуна деревяна, а главу его серебряну, а ус злат и Хороса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла, и Мокошь». Русский народ радовался победе и приносил щедрые жертвы своим деревянным богам.

Любил Владимир и пиры задавать; «по вся неделя устави на дворе в гриднице пир творити и приходити и болярам, и Гридем, и соцьким и десятицкими, и нарочитым мужем, при князи и без князя; бываше множество от мяс, от скота, и от зверины, быше по изобилью от всего». За это Владимиру приписывается даже изречение, которое и доньше в ходу у пьяниц: «Руси есть веселие пити, не может без него быти». И эти пиршественные обыски Владимировы запомнились народу, и потому пирами начинаются чуть ли не все былины киевского богатырского былинного цветника.

Под русским знаменем, под знаком русской языческой веры, под песни и хвалу богу Перуну, и Велесу, и Дажьбогу, и Стрибогу князь Владимир за короткое время объединил Русь — он потратил на это около десяти лет. И возносила Русь славу Перуну и князю Владимиру; он же не имел поражений в боях, ошибок в замыслах, неудач в походах. И притихли враги. И гордилась Русь своим князем. И, может быть, в это время уже и появились песни, в которых назван он Красным Солнышком. И красно светило тогда красное солнышко земле Русской.

Объединительский подвиг ради Руси начал Владимир походом из Новгорода на Киев, который окончился примерно в 980 году. Уже из Киева в 981 году Владимир совершил поход на запад и овладел Перемышлем, и Червенской землей, и Ужгородом за Карпатами. В этих краях хозяйничали воины польского короля Мешка, и германского императора Оттона, и папские монахи, и католические благовестники. Они низвергали древних славянских богов, хватали людей и насильно

крестили их. Владимир во всех городах и весях восстановил низвергнутых богов и воздал им благодарственные жертвы. С 981 по 989 год Владимир совершал много походов и против ятвягов и болгар на Волге, и печенегов; в бою с последними он получает тяжелое ранение. Владимир приводит в повиновение и вятичей, и радимичей и другие русские племена. А с того времени на Руси осталась про радимичей веселая поговорка: «Радимичи волчьего хвоста испугались». Волчий Хвост — это прозвище одного воеводы. К 989 году Владимир объединил Русь и стал единодержавным владыкой над огромным государством. Оно же было по просторине своей больше всей Византийской империи, больше Священной Римской империи. Укрепил и объединил Русь Владимир с запада на восток, от Ужгорода и Карпат и до Волги, или Итиль-реки, с севера и на юг, от Онеги и до Оки, и до Дона, и до Хвалынского, и до Сурожского моря, и до тебя, неприступный Кавказ. Велика и едина Русь; могуч властелин над ней Владимир — князь над князьями, вождь над вождями, владыка над владыками. И стал Владимир грозой царей, и ханов, и императоров, и василевсов. Успокоил он беспокойных, утишил шумных, удовлетворил недовольных. Чего еще желать тебе, Владимир? Ведь грозен ты врагам, страшен непослушным и своевольным боярам и воеводам, люб народу. А на окраинах мир-тишина. Запали-замирились волжские болгары. Помнят они разгром, а учинил им его отец твой, Святослав, в 966 году, а ты же сын отца своего. И был ты сам в Булгарском царстве и напомнил, что Русь не пуста стоит. Запали и замирились и хозары, и касоги, и аланы. И они помнят разгромы от Святослава, отца твоего. А ты сам был и в Итиле (в Астрахани), и у алан (осетин), и у касогов (адыгов и черкесов), ты прошел все Предкавказье до Тьмутарокани и напомнил всем, что Русь не пуста стоит. Тишина на окраинах вокруг Руси, а потому и люб Владимир русскому народу, а потому он и Красное Солнышко. А ему и гусляры, и певцы, и веселые люди-скоморохи слагают песни, возносят хвалу, поют славу Владимиру. И громка песня, звучна хвала, повсюдна слава. Уже народился Боян, и он воспоет детей и внуков твоих, Владимир. Живые струны Бояновы «славу рокотали» в 1022 году, когда Мстислав Владимирович, сын твой, Владимир, в единоборстве «зареза Редедю», князя касогов; это значит — через семь лет после смерти твоей, Владимир. Да, так: при тебе народился вещий Боян...

Звонит хвала в Киеве, гремит слава в Новгороде, летит песня о Владимире, летит она против гроз и северных ветров через поля на го-

ры, через леса на реки и через тебя, Варяжское море. И силой славянской, и могучей, и словом, и духом подкупает она даже скандинавских скальдов. И былины твоего времени и о тебе, Владимир, перепевают скальды во свои скандинавские саги. И надолго залетел этот русский звук, и в сагах тех отозвался он даже в XIII веке.

Великую любовь снискал Владимир у народа и военными походами и подвигами за объединенную Русь, да близок он простому люду и простецким рождением своим, а потому в песнях он *ласковый*, в былинах *Красное Солнышко*. А все-таки, все-таки почему так много неприглядных черт оставил народ во своих былевых сказаньях о Владимире, почему в былинах Красное Солнышко да не красно светит? Крутой переход Владимира от язычества к православью, насильственное введение христианства, подневольное крещение Руси — вот что омрачило народные представления о любимом князюшке, о Красном Солнышке.

Пусть введение христианства на Руси было исторической необходимостью, пусть Владимир свершил великий подвиг, что отказался от многобожного язычества и сделал Русь православной. Однако простой сельский люд, древнерусский земледелец, а им держалась, а им стояла Русь, он воспринял это как измену-предательство. Простонародные певцы бояр не любят, «кособрюхих» не уважают, а те бояре еще наперед Владимира, еще при Ольге начали обращаться в христианство. А поэтому для мужика-труженика православье было верой ненародной, верой боярской, княжеской. И переход Владимиров в эту боярскую, княжескую веру означал, что Красное Солнышко перестало держать сторону народа, а перешло на противную. Отсюда и вечные упреки былинному Владимиру: «Ты не с нами держишь думу, а с боярами!»

Крещение Руси было важным и возродительным шагом: оно возвысило Русь в розмыслах всех европейских государей, оно подняло Русь от дикости к просвещению. До того Русь была сильна военной силой, а крещением она обрела еще и нравственно-правовую. И верно, насчет *права* Владимир проявил большую озабоченность, показал великую государственную мудрость: от язычества он отрекся, но принял крутые меры к тому, чтобы отречение это сравняло его в правах с самыми высокородными европейскими государями.

Владимир выбрал христианскую веру не по католическому, а по византийскому образцу. Но византийские императоры — исконные вра-

ги Руси. Поэтому сам-то Владимир крестился в 988 году не у византийского, а у болгарского священника. И уж как сам крещенный, как сам православный, возжелал сам же стать апостолом Христа на Руси и сам возгласил: «Хочу крестить Русь!» И в 989 году замысел свой, слово свое приступил воплощать в дело, и опять же воинским-языческим, а не христианским-увещательским приемом: он объявил поход на Византию; он пошел туда за императорской короной, он пошел туда за невестой из императорского рода, он пошел туда, чтобы жениться (в который раз?), чтобы женитьбой на сестре византийских императоров Анне возвысить свой «худой род».

Не со словом пришел он, не как бабка Ольга, а с огнем и мечом явился Владимир под Корсунь Таврический, и взял византийскую крепость, и обрек Византию на голод, ибо отрезал ее от причерноморского хлеба. Византийские императоры Василий и Константин вынуждены были ради мира принять все требованья от Владимира. А требованья хоть и грозны, но посильны: за Корсунь, чтобы назад его вернул Владимир Византии, надо было отдать во замужество за Владимира сестру Анну, а за поражение — некоторое количество дани и подходящее приданое за Анной. А ради вечного мира в будущем между Русью и Византией и ради равенства Руси с Восточной Римской империей (вторым Римом), то есть Византией же, византийские императоры через своих епископов именем Христа должны венчать Владимира — и не на княжество, не на царство, не на королевство, а на *императорство*, чтобы сам Владимир именем Христа был провозглашен князем князей, царем царей, королем королей, владыкой владык, василевсом-императором.

Согласились и на это византийские властелины. И прислали в покоренный Корсунь ко Владимиру сестру свою Анну в невесты, и венец василевса, то есть императора, и епископов для венчанья Владимира с Анной на высокий, на властелинский сан, и книги, и дань.

Когда Владимир венчался, то «многая лета, государь» возгласили ему не на русском, не на славянском языке, а на греческом: «*Исполайте, деспоте!*» Русский народ принял оба эти слова, но дал им, уготовил разную судьбу. «Исполать тебе, добрый молодец» — в былинах так высказывается благодарность. А «деспот» стал означать жестокого, свирепого правителя-палача. А таким и показал себя Владимир при крещении Руси: крестил он не только водой, мо-

литвой и крестом, но и огнем, и мечом, и темницами, и бичом, и всяческим насильем. Сам было поставил Перуна над Днепром да сам же его и в воды, во Днепр ниспроверг. И плакали, и рыдали киевляне над своим повергнутым богом, и бежали по берегу за уплывающим Перуном, и ждали чуда, что Перун воспрянет и накажет насильников, и взывал народ к нему, и кричал: «Выдыбай, боже!..» Да не восстал, не поднялся, не выдыбал Перун, уплыл. За Киевом днепровские волны вымыли его на берег — Перун «выдыбал»! А чтобы народ не вздумал считать то место священным, тут был построен монастырь и назван Выдыбовецким.

Владимир крестил Киев, а Добрыня — дядя, и воевода, и сподвижник, и посадник Владимиров в Новгороде — он крестил Новгород. И таким же насильем, и таким же принуждением. Добрыня не былинный, а исторический, небескорыстен был: он сколотил именье, воздвиг хоромы, женился на молодой жене — тоже умыкнул невесту насильно. И когда Добрыня ниспровергал Перуна в Волхов, как Владимир его — во Днепр, новгородцы взбунтовались, разорили у Добрыни именье, разнесли хоромы, убили жену. А Добрыня не отступил и как верный слугатай Владимиров крестил новгородцев с жестоким загонительством в крестильные воды и купели. И с той поры осталась пословица: «Путята крестил мечом, а Добрыня огнем».

Народ воспел добрые подвиги Добрынины, а насильнические дела простил ему и забыл. И стал былинный Добрыня вторым, после Ильи Муромца, богатырем. А вот от добрых исторических Владимировых дел в былинах остались только слова «Солнышко Владимир князь» да «ласковый стольно-киевский». А в остальном былина восприняла от исторического Владимира только худые черты: жестокость, угодничество перед боярами, женолюбие и т. д.

Считается, что принявшие новую веру бывают особенно привержены к ней. Не будем вдаваться в рассуждения, насколько глубоким приверженцем к православию был Владимир Святославович. А одно заметим: явленный апостол Христа на Руси, как и бабка его Ольга, не захотел расставаться с родным-языческим именем своим «Владимир», никогда не называл себя чуждым нерусским словом «Василий», а ведь тем Васильем он был окрещен при переходе из язычества в православье. И вот в сонме святых, когда Владимира причислили к этому лику, появилось и еще одно языческое имя: Владимир.

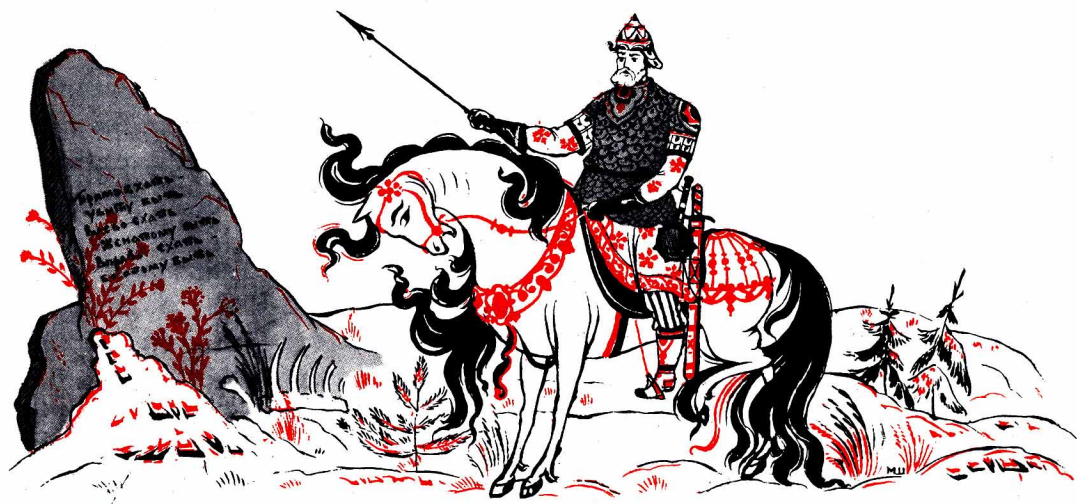
Знаменательны былины о ссорах Ильи со Владимиром. Иногда раздор доходил до последней крайности — у Ильи появляется намеренье убить князя, как сам однажды признается Илья Муромец:

Было намеренье наряжено:
Натянуть тугой лук разрывчатый,
Класть стрелочку каленую,
Стрелять во гридню во столовую,
Убить тебя князя Владимира...

До убийства, чтоб князя убить, дело у Ильи не доходит, а вот во ссоре, во гневе на Владимира Илья Муромец с церковей кресты все повыстрелял, церковные маковки повыломал, языки у колоколов все повыдергал. На первый взгляд и непонятно: для чего Илье Муромцу, православному христианину, стойкому защитнику от врагов тех же и «церквей божьих», зачем ему самому надо было эти самые церкви трогать-разрушать? Поразмыслишь и поймешь: в ссоре Ильи со Владимиром отразилось древнее народное несогласье с такой крутой княжеской принудиловкой, как насильственное крещение народа. Раздор между Ильей и Владимиром из-за крещения забылся, а стрельба по церквям в былинах осталась.

Вот за все за это и лишил народ Владимира его безусловного величья во своих былинах. Вот почему Красное Солнышко не всегда красно светит в русских былевых народных сказаньях.





Рок, золото и русские богатыри



бмолвился я как-то, если помните, о том, что наши богатыри могут побеждать и рок, и судьбу, и участь-неминучесть. Впрочем, не все наши витязи наделены даром побеждать рок, господствовать над судьбой; если не считать Микулу, то рокоборцев у нас трое: Илья Муромец, Вольга да безымянный кузнец-судьбоковец, я бы дал ему имя Славомир.

Илье Муромцу да Вольге рокоборную силу дает беззаветная служба родине, а Славомиру — кузнечный труд. К победителям над судьбой и роком надо бы отнести и Микулу Селяниновича с его тягой земной: ведь никто, ни Илья Муромец, ни Вольга, ни великан из великанов, никто не в силах победить-одолеить Микулу земледельца.

Больше того, одоление-победа над Микулой означала бы роковой конец для победителя, ведь он, победитель, без Микулы остался бы без хлеба насущного. И на крайности сам тогда вынужден будет заниматься хлебопашеством. Но это означало бы, что побежденный Микула возрождается в победителе.

Рокоборную силу нашим рокоборцам дает еще бескорыстье. Наши витязи равнодушны к золоту. Правда, есть у нас и богатырь-богач Дюк Степанович. Но несметные сокровища он не сам сколотил-приобрел-нахватал, а получил их по наследству. Но и Дюк не скрага, он не держится, не дрожит над своим богатством, а во своих поступках он смел и бескорыстен. Но и Дюку обладание богатствами забороняет пути к господству над роком: Дюка настигает погибель.

У Дюка душа неуемна. Нет ему, Дюку, на путях заказов, ни препон досадных, ни оград высоких — везде силы хватит, смелости достанет: схватить звезду с неба, достать месяц ясный, остановить солнце, оседлати тучу. Молодцу под руку, молодцу под силу гром поймать гремучий да грозой умыться, молнией сверкучей себя опоясать. Бурлит душа в теле волновым прибором, сила бьет о разум — разум затемняет! Где найти забаву, утолить бы душу, сердце охладить бы, огонь поумерить?

Природные силы делают Дюка безудержным, а богатство — заносчивым и хвастливым. У Дюка есть сказочная волшебная одежда: она может вызывать бури, колебать леса. Но надевает он ее не ради свершения добрых дел, как Илья Муромец, когда та одежда к нему от Дюка попадает, а ради того, чтобы побахвалиться да превзойти своим нарядом другого бахвала и хвастуна Чурилу Пленковича. Да, золото испортило Дюка, и увы, этот богатырь подвластен року, и гибнет он от колдуньи Маринки — она отравляет его. Богатыри Алеша Попович, Добрыня Никитич, Илья Муромец один за другим упреждают его: не пить отраву из чаши Маринкиной. Да ложная гордость, беспечность и самонадеянность да мнительность-боязнь, как бы не заподозрили его, Дюка, в трусости, заставляют его принять чашу. Вот в руках у Дюка чаша роковая — мечет она пламя, синее сверканье, по бокам той чары сыплются искры, с лопаньем трескучим падают на землю. Злобиха Маринка хохотом хохочет, злобою злобесной над Дюком смеется. Сам атаман тут встань да поднимися. Славный Илья Муромец молвил Дюку: «Брось, добрый молодец, не пей этой чары, выплесни зелье на чародейку!» Дюк атаману так ответил: «Доблестью-отвагой меня мать родила в славного-могучего Илью-атамана. Я ль свое рождение здесь опозорю? Выпью, Илья Муромец, я эту чашу, силу чародейную в ней пересилю!» А в руках у Дюка чаша полыхает: мечет она пламя, страшное сверканье. По бокам-то чары сыплются искры, падают на землю с лопаньем сверкучим. «Выпью эту чару, чару роковую, за князя Владимира да

за Русь святую! За святорусское наше богатырство!» Выпил чародейное-дурманное зелье, выпил Дюк смертное себе подношение, выпил, покачнулся, с ног свалился...

В отмщение за Дюка в борьбу с колдуньей Маринкой вступает Добрыня Никитич. Но при всей любви к этому богатырю наш народ не наградил его даром бороться с неминуемыми. Добрыня не победительствует ни над роком, ни над судьбой, ни над колдовством. И колдунья Маринка околдовывает богатыря, обращает Добрыню в тура и насыляет на него Илью Муромца, чтобы сам Илья убил Добрыню — развязка была бы предельно роковой. Но Илья Муромец как богатырь-рокоборец разгадывает колдовские замыслы и убивает Маринку, и снимает колдовские чары с Добрыни. Так и еще раз Илья показывает, что рок над ним не властен, что может он бороться и побеждать и судьбу, и колдовство.

Погибающий Дюк завещал свою волшебную одежду Илье. И поглядите, как атаман заставил ее служить.

На Соколе-корабле на Хвалынском море Илья Муромец с дружиной охраняет русские рубежи, о чем и донесли своему повелителю турки турковичи. Раззадорился в ответ Салтан: «Уж вы, турки мои турковичи, удалые да грозные! Вы мчитесь-неситесь туда, к морю синему Хвалынскому! Вы берите струги легкие, поднимайте весла быстрые, вы гребите без усталы, нагребайте на Сокол на корабль. Настигите Илью Муромца, настигите вы Добрыню мне, настигите Алешу мне, настигите-заберите, силачи, завяжите их, опутайте, во полон приведите ко мне! Вынимайте вы булатные мечи, отсекайте буйны головы пятьсот гребцам-молодцам, тридцати богатырям-борцам!»

Илья Муромец услышав был: таковы слова слышивал и ко встрече изготавился. И надел Илья тут Дюков волшебный кафтан. На кафтане петли шелковые, в петлях — пуговицы золоченые. А и в пуговках по яхонту да по камню самоцветному. А во яхонтах с правой стороны по всему ряду во пуговках по льву-тигру лютному, а во камушках с левой стороны по всему ряду во пуговках по шипучей по гремучей змее. У кафтана-то на правом рукаве — леса дремучие, у кафтана-то на левом рукаве — небеса да со тучами... Вот выходит Илья вперед, сам на турков поглядывает. Вот назад повернулся Илья — разудалую насвистывает.

Налетели на Сокол-корабль черны вороны тучею. Налетали на Сокол-корабль струги легкие турецкие, весла быстрые махучие. А на Со-

колике-кораблике на носу атаман с веслом стар казак Илья Муромец; на корме есаул с копьем млад Алешенька Леонтьевич; посредине — Добрынюшка, удалой сын Никитьевич. Он лук свой укладывает, калену стрелу примеривает.

Поразграялися вóроны, расходилися вороги на далеком на турецком берегу, завозрадовался пан Салтан: тут-де Сокола взятьем возьму, тут Илью да я в кулак зажму!

Взял Илюшенька по пуговкам да провел правой рученькой. А и камни те яхонты все огнями разгорались, тигры в них рассержались, грозным рыком разрычались. Еще левою рученькой проводил Илья по пуговкам — самоцветы рассверкались, змеи в них просыпались. Зашипели змеи лютые, загревели гремучие. От рычанья, от шипа того позамолкли черны вóроны, позапали турки турковичи.

А и тут атаман Илья поднимал руку правую, да потряхнул, да махнул рукавом — приклонились темные леса, потемнели над лесами небеса, напоззли тучи хмурые. А и тут атаман Илья поднимал руку левую; да потряхнул, да махнул рукавом — и завывли ветры-вихори, загревели громы-грохоты, засверкали блески-молнии. Поднялись волны по морю, заходили по Хвалынскому. А и той бури-непогоды черны вóроны пугались, по сторонкам разлетались. Весла быстрые махучие все погнулись-поломались, струги легкие турецкие в бурю начали тонуть да тонуть, турки начали орать да кричать.

А тут Добрынюшка, удалой сын Никитьевич, сквозь ту бурю он поглядывает да Салтана высматривает, свой лук выверивает, калену стрелу накладывает, пословечно выговаривает, говорит, громче грому гремит: «Ты стрела ли моя, стрелочка! Полети, моя каленая стрела, выше лесу по поднебесью. Ты пади, моя каленая стрела, во турецкий град, в зеленый сад! Ты — во зелен сад, во черен шатер! Ты пади на золоченый стол, попади на стул ременчатый! Ты пади, моя каленая стрела, в грудь Салтану Салтановичу! Распори ты грудь турецкую, расшиби сердце с печенью!»

От Добрыниного голоса, от его ли богатырского, громы пуще разгремелися, море пуще взволновалось. Услыхал, увидал Салтан, царь Салтан большой Салтанович, услышал речи грозные, приговоры богатырские, увидал громы-молнии, буревые тучи хмурые; узрел, как в волнах буревых погибали турки турковичи, возмолился, вспокаялся Салтан: «Ах ты, ах ты, всевышний Аллах! Не подай, Аллах, водиться мне с атаманом Ильей Муромцем, да с Добрыней Никитьевичем, да



с Алешею Поповичем, да со всеми со русскими! Зарекаюсь воевать я и сам и наказываю детям своим: не дай бог биться с русскими никому: ни мне, ни сынам, ни внучатам, ни правнучатам!»

Небольшое творенье, маленькая былина «Сокол-корабль». Но сколько в нем силы, мощи, художественной красоты.

Чудесный, сказочный, волшебный кафтан служил Дюку только для развлечения, а Илья Муромец использовал по-другому.

Однако следует вернуться еще к гибели Дюка. Хотя рок и погубил его, но умер Дюк храброй и бесстрашной смертью, с безумной смелостью он кинул вызов року. И такая смерть едва ли не равна победе над роком: ведь Дюк отстоял человеческое достоинство перед злоехидной ведьмой Маринкой.

И еще одна черта смиряет нас с Дюком Степановичем: он при всем своем богатстве бескорыстен. Пусть обладание сказочными несметными сокровищами сделало Дюка подвластным року, однако ни в одном из поступков никто не может укорить богатыря, что он скряга, или скупец, или безумный стяжатель, который готов даже богатства свои унести с собой в могилу. Уже одно то, что Дюк волшебный свой кафтан передает Илье Муромцу, резко выделяет Дюка из сонма презренных и низких стяжателей. И тут уместно сравнить поведение Дюка со скандинавскими викингами, двумя братьями, двумя героями исландских саг: с Хогни и с Гуннаром. Два этих викинга, два брата, два славных воина владели несметными сокровищами и с тревогой прятали их от людей, так далеко, так глубоко, так тайно, что знали о золоте своем и драгоценностях только они, только двое, только два владельца, два брата, два любимых. И вот в битве с Аттилой попадают в плен ко врагу два воина, два викинга, два брата-героя. Аттилу тоже обуревают жажда овладеть несметными сокровищами, бесценными драгоценностями, но братья клянутся друг другу не выдать их. Поразмыслил Хогни и говорит брату Гуннару: «Я не боюсь смерти, Гуннар. Но не глупо ли умирать ради каких-то сокровищ? Откроем Аттиле, где их найти, и он отпустит нас, я в том уверен. И мы будем живы, и тогда мы не пустим гуннов в свою страну!» Неистребимая жадность вдруг охватила Гуннара, лихая ярость зажгла душу, а в ней окаменело его сердце, оледенел разум, и он воскликнул: «Никогда! Пусть умру я тысячу и один раз, пусть погибнут на глазах моих все мои родные, но я никогда не отдам это золото в чужие руки!» Так отвечал Гуннар брату Хогни, и змеинный замысел обвинил его разум. И когда Аттила вызвал его и спро-

сил: «Гуннар! Сам ли ты отдашь ваше золото или я из-за него разорю всю твою страну?», то пленник ответил завоевателю: «Золото спрятано так, что ни тебе его, никому другому никогда не найти! Но я готов тебе его выдать, Аттила! Да не хочу я, чтобы брат мой Хогни обвинил меня в трусости. Так пусть же умрет он! Пусть не будет в живых брат мой Хогни! И да принесут мне сюда сердце его!»

Через некоторое время Гуннару на золотом подносе принесли живое сердце. «Вот сердце твоего брата! Говори — где спрятано золото?» — воскликнул Аттила. А в ответ ему Гуннар только усмехнулся: «Я не младенец, Аттила! Посмотри — это сердце еще дрожит от страха, значит, оно взято у труса! Значит, оно взято не у брата моего, ибо Хогни храбрее любого из твоих воинов и тебя самого, Аттила!» Тут даже кровожадный Аттила содрогнулся и приказал. И принесли Гуннару другое сердце. «Да, это сердце моего брата Хогни! — прошептал Гуннар. — Оно так же спокойно и тихо, как спокойно и тихо принял он свою смерть!» И тогда заговорил Аттила: «Где же твои сокровища, Гуннар? Ты видишь сердце своего брата!» И в ответ воскликнул Гуннар: «Ах, как ты глуп, Аттила! Ведь я заставил убить брата, чтобы он не выдал тебе мою тайну! Теперь я, да я, только один я знаю, где спрятано мое, мое золото! Аттила! Ты никогда его не получишь, никогда оно не будет лежать в твоих сокровищницах. Мне ли открыть тебе свою тайну, если за него я, за мое золото, отдал жизнь двух братьев и сестры, и обрек на позор жену, и разорил страну моих предков! Ты глупец, Аттила!»

Еще больше ужаснулся Аттила от таких слов и измыслил самую жестокую казнь для Гуннара: он бросил его в каменный колодец, а в нем же кишмя кишели ядовитые змеи.

Так сильна роковая власть золота над героями скандинавских сказаний.

И в других народных мировых твореньях рок висит и над богами, и над героями, и над простыми людьми. Славный, могучий, богатырский народ нарты в кавказских сказаньях погибает роковой гибелью в борьбе с богами. И только Илье Муромцу, русскому богатырю, нет рокового погибельного предопределения. Кроме Ильи, еще Вольга не покорен року да безымянный кузнец-богатырь, и этот богатырь даже *кует судьбы*. Когда Святогор-богатырь задумал узнать свою судьбу, то он спросил у Микулы Селяниновича. И Микула направил Святогора на Сиверные горы. А там кузнец-судьбоковец выковал Святогору

судьбу. Этот кузнец ковал судьбу также Самсону-богатырю. Иные думают, что чудо-кузнец тот — приземлившийся бог или ангел-ниспосланец с неба. А я думаю, что это все же человек: из былин ничто не указывает на божественное, ангельское происхождение судьбоковца.

Допустимо, что это и был бог, возможно, сам бог неба Сварог. А Сварог у славян был также богом огня и кузнечного искусства, и он обладал чудесным даром кровь земли обращать в железо. В древней Руси кузнецы называли себя детьми Сварога, или сварожичами. Но это было давно, и в былинах от Сварога не осталось никакого следа: бог в них превратился в человека. И это знаменательно: русская былина возглашает человека, а не бога судьбоковцем. Русская былина знаменует торжество человечества над тайными и роковыми силами. Кузнец-судьбоковец, кователь судеб человеческих — это звучит совсем-совсем по-современному.

Во всех мировых сказаньях все вещанья вещателей, предреканья предрекателей из тех, которые наделены способностью вперед узнавать судьбу или предопределения для людей и устами которых глаголет сам рок, все те предсказания сбываются с неизбежностью, если даже герой и знает о них и принимает всяческие меры, чтобы уйти от рока. Судьба неминуемо свершается. Рок настигает героя или бога, как, скажем, настиг он Одина. А вот не таков Вольга.

Когда Вольга выступил против братьев Ливиков со своею ратью в «девять тысячей», то перед боем с королевскими племянниками «Чимбала короля земли немецкой» Вольга узнает судьбу гаданьем для каждого из бойцов. Добрые молодцы

Они резали жеребья липовы
Да кидали на реку на Смородину,
Всяк на жеребью себя подписывал.
А которой силе убитой быть,
У той жеребья камнем шли ко дну.
А которой силе быть раненой,
У той жеребья против теченья пошли.
А которой силе быть не раненой,
У той жеребья по воде пошли.

По такой жеребьевке-гаданью Вольга определил, что у кого жеребья камнем ко дну пошли, тем убитым быть. А и тех Вольга в бой не взял! Они и остались живы! У которых жеребья против теченья по-

шли, и тех Вольга в бой не взял, потому что они в бою были бы ранеными. Взял Вольга в бой только тех, у которых «жеребья по воде пошли», те в бою будут не убиты, не ранены, копьём не колоты, стрелой не кровавлены. мечом не посечены. Это новое, невиданное и неслыханное, это дерзостное поведение русского богатыря, который вырывает у судьбы, у рока знание будущего. И вопреки року, вопреки предсказанью, вопреки тому, что на роду написано, оставляет в живых тех, кто обречен на смерть, оставляет в невредимых тех, кто должен получить по судьбе, по предсказанью, кровавые раны, и без жертв, без потерь, без раненых и убитых добивается надежной победы над Ливиками.

Илья Муромец — вернемся к нему — едет на запад в сторону латинскую, надо думать немецкую. И на пути встречается решительное определение своей судьбе в зависимости от дороги: на одной убиту быть, на другой женату быть, на третьей богату быть. Илья стар уже, ему триста пятьдесят лет:

Ездит стар казак по полю чистому,
По тому раздолью широкому,
Голова бела, борода седа
По белым грудям расстилается,
Будто скатный жемчуг рассыпается.
А под старым конь на-убел-белой,
Да ведь хвост и грива на-учер-черна...

Так дивно живописует былина! Следует пояснить особенный оборот — он краток, да выразителен: «конь на-убел-белой» или: «грива на-учер-черна». Здесь прилагательные «белый» или «черный» усилены существительными того же корня, но существительные эти получены из глаголов: «убелить», «учернить» — «убел» и «учер». Предлог «на» тоже усиливает. Это «на» наслаивает на существительное «убел» прилагательное «белый», так же как на «учер» — «черный». Этот способ чужд книжным оборотам.

Едет богатырь,

А сам себе старый дивуется:
Ах, ты старость, ты старость ты старая,
Ах ты старая старость, глубокая,
А глубокая старость — на триста годов,
А триста годов да пятьдесят годов.
В чистом поле застала ты старого,
В чистом поле застала черным вороном,
А ты села на мою буйну голову.

Ах ты, молодость моя молодецкая,
Улетела ты в поле чистое,
В поле чистое ясным соколом...

Некоторые говорят, что в былинах наших нет глубоких человеческих, душевных переживаний, а есть-де только одни боевые победы, сечи да рубки. Напраснина. Вот уже две последние выдержки из былин показывают, что все в них есть в былинах наших: и образное писанье, и глубокие лирические переживания богатырей. Однако не о том теперь речь, как блины печь, а о том речь: что это за печь, что за былина «Три поездки Ильи Муромца»?

Если былина о борьбе Ильи с Соловьем-разбойником знаменовала борьбу и победу над вражескими племенами, которые оказались внутри русской просторины, если многие другие, коли не большинство былин об Илье, означали борьбу русских с татарами, то «три поездки» восславляют борьбу русского народа против западных завоевателей. Они, завоеватели те, обычно приходят из земель, или сторон латинских, иногда даже ливонских, а подчас прямо немецких

Итак,

Да едет-де старый чистым полем,
Да большой-то дорогою латынскою.

И наехал старый на росстань, а там

...лежит-то на росстанех весть латынь камень,
И на камешке-то подпись надписана.

Так-то вот. на *латынской* дороге лежит *латынский* камень, а на нем надпись насчет трех судеб: женату, богату, убиту быть. Из трех судеб рокоборец Илья выбирает самую роковую: он едет туда, где убиту быть. Да не убит Илья в этой поездке, напротив, побеждает он убийцу, одолевает разбойников и после победы поворачивает назад к камешку и высекает на нем гордую надпись: «Та дороженька расчищена, ездил-расчистил ее стар казак Илья Муромец и убит не бывал». Пытает Илья судьбу и на женитьбенной дороге. Женитьба, оказывается, также должна быть губительной-роковой: Илье предназначено попасть в плен девице. А и тут Илья судьбу свою побеждает, в плен не попадает, напротив, высвобождает из плена много пленников и царей, и царевичей, и королей, и королевичей, и славных могучих витязей. Не пустая мысль заложена в этой былинной сказочке о женитьбе. Невеста-



ми пытались покорять и даже подчиняли через них страны и государства своей воле и византийские императоры, и василевсы, и германские короли, и кайзеры. Знал-понимал это русский народ. И вот любимого богатыря Илью Муромца народ делает борцом не только против военного иноземного вторженья, но еще борцом против чуждого влиянья через браки-женитьбы, через жен и невест.

И вот едет Илья в третью поездочку, в ту дороженьку, где иноземные обольстители задумали русских богатырей прельщать богатствами, обольщать золотой казной. И ведь находит Илья несметную сокровищницу с ослепительными сокровищами, с несчетной золотой казной. Золото должно бы и погубить Илью своей неотвратимой роковой силой. Обретенные богатства, найденную несчисленную казну золотую Илья раздает вдовам и сиротам, бедным людям. А в иных разночтениях былины он выстраивает церкви, и храмы, и колокольные звоны. Но корысти нет в нем, ничем не корытуется бескорыстный Илья, ни гроша ломаного не берет он себе.

Илья — господарь над роком; а вот Святогор — невольник у рока. Впрочем, Святогор не русский богатырь, как о том высказался еще А. Ф. Гильфердинг. Кроме Святогора, в русских былевых сказаньях великанов нет. Даже Идолище поганое не великан, хоть и велик ростом:

Да ведь сам как он да семи аршин,
Голова у него да как пивной котел,
А ножищи-то как-быть лыжища,
А ручищи-то как-быть граблища,
А глазищи-то как-быть чащища...

Рост семи аршин — это всего раза в два с небольшим побольше Ильи. Такое чудище не могло бы посадить Илью да еще вместе с конем во свой карман, как сажил Илью и с конем Святогор-богатырь.

Откуда бы ни пошел Святогор, но русскому былинному духу он не сродни: великанством даже древнего русича не подкупить, великанщиной не застрашать. А коли уж ветхий образ из памяти не утрачен, то сказители дали ему свое толкованье, новое знаменье: Святогор в наших былинах знаменует собой пусть и сильное, но старчество, он показывает собой ту правду-истину, что непомерный старческий рост тела и телесной силы таит в себе неизбежную гибель.

Судьба Святогора, если даже образ этот и не заимствован ни у скифов, ни у кавказцев, все равно роднит его с нартскими богатырями.

Великанище — выше дерева стоячего, выше облака ходящего — Святогор порожден горами. Он по тяжести своей не может «ездить на Русь»: его не держит мать сыра земля. В кабардинских нартских сказаньях есть богатырь Шауей. Он тоже дитя гор. Правда, его породила не гора, но *великанища с севера*. А вот воспитан Шауей священной горой, ледяной вершиной Ошхомахо, или Горой Счастья (Эльбрусом). Шауей, или Неустрашимый, он мог быть прообразом Святогора. Но главное, что роднит Святогора с нартскими богатырями, так это смерть, роковая гибель Святогорова.

В горах вместе с Ильей наезжает Святогор на огромный гроб, на надпись: «Кому суждено лежать в сем гробу, тот в него и ляжет». Богатыри — ах, им свойственно поиграть с судьбой, — принялись примеривать гроб. Лег Ильи — гроб велик до чрезвычайности. Ложится Святогор — гробовина в пору, да так, что из гробовой домовины той Святогор и восстать уже не смог: *рок настиг богатыря, судьба сыскала!* Свой меч Святогор завещал Илье Муромцу.

Святогорово положение себя живым во гроб полностью перекликается с нартскими сказаньями. У южных осетин нарт Урызмаг живым полагает себя в чугунный гроб. У северных осетин во гроб живым заточает себя нарт Сослан: «Вынесли тогда нарты погребальные одежды — из драгоценного шелка были сотканы они. Показали ему гроб — был он выкован из червонного золота. И захотел Сослан, чтобы на него живого надели погребальные одежды, и велел он, чтобы живым его положили в гроб». И про меч заживо-захоронец оставил свой завет. И достался Сосланов меч богатырю Батрадзу, как Святогоров — Илье Муромцу.

Впрочем, и не так уж важно, откуда нерусский Святогор в русских былинах. Важно то, что великан, при всей своей непомерной силе, не знает, не находит себе применения на Руси: сила его бесполезна, мощь бесплодна.

Подвластен року и Алеша Попович, и даже Добрыня Никитич.

Алеша Попович из тех, которые любят побахвалиться: шапками де врага закидаем. В былинах о Мамаевом побоище, — по другим разночтениям — о Камском побоище, — Алеша после первой победы над татарской ратью хвастается, что у него руки не умахалися, силы не уходилися, и он выхваляется-требует: подавай ему силу нездешнюю, он и с этою силою справится! И пришла сила: разрубил Алешка татарина пополам, а те оживают половиночки, двумя татаринами ста-

новятся и оба в бой идут. Двух разрубил Алеша — четыре живых тарина восстают и все живы, и все в бой идут. Не победить такой силы Алеше! И погибает он: остыл от бессилья, окаменел от страха, от ужаса.

Есть одна запись «Как перевелись богатыри на Руси». Она, кажется, единственна и сделана писателем Л. Меем, и как думают, в какой-то мере им обработана. В этой былине хвастаются все богатыри, а не один Алеша: «Изрубили силу поганую и стали витязи похваляться». И тогда-то и явился сила, что от сеченья не убывает, а растет да растет, все на витязей с боем идет. «Испугались могучие витязи, побежали в каменные горы, в темные пещеры» да там и окаменели все, и даже Илья Муромец вместе с ними. С тех пор будто бы и перевелись витязи на святой Руси.

А не могли они перевестись, да и не перевелись. Когда я мальчишкой прочитал запись Меем, меня ровно бы обокрали — такая ли досада взяла за сердце, такое унижение-обида пала на душу: как это можно Илье Муромцу да испугаться. Ему же на бою смерть не писана. А тут от испугу... бежал и окаменел! Да это же Алешина роковая судьба ошибочно на Илью перенесена.

А ведь находятся же толкователи, и принимают эту былину-искажение за истинную, и считают, что она отображает первое побоище с татарами на реке Калке, когда Чингисханово войско под управой багадура Себеда разбило русских. И тогда, как говорит летопись, «убиша... и Александра Поповича и с слугою Торопом и Добрыню Рязанича Златого пояса и семьдесят великих и храбрых богатырей». Сеча была велика и ужасна, а победу Себедай справил с жестокостью.

Однако то была первая битва с татарами, и не могла же она, при всей ее бедственной неудаче для русичей, истребить всех богатырей. Надо понять, что былины наши воспевают не отдельную битву с татарами, а всю вековую борьбу с ними, от всех богатырей, от первых борцов с Батыем и до Ермака Тимофеевича. Если это не забывать, то понятна тогда неизменно победительная оконцовка в былинах, когда наши богатыри обязательно побивают татар. Говорят: в истории было не так, а былина, говорят, выдает желаемое за действительное... Но разве конечная победа над монголо-татарами не за русскими богатырями? Разве не за Ильей Муромцем? А по былинам возраст у Ильи — 350 лет! А его, такого возрасту, хватило Илье, чтобы начать борьбу

с татарами, пережить неудачу — оказаться в плену, в подкопе татарском, и наконец вместе с Ермаком окончательно победить татар.

Знаменательно, что в былевых сказаньях своих наши сказители Ермака Тимофеевича приобщили к богатырям и сделали его сподвижником Ильи Муромца. Иные считают это ошибкой, *невтупорицей* — не в ту пору-де попал Ермак. А как раз в самый час, в самое времячко подоспел юный богатырь, молодой Ермак. Быстрый-устремительный — он совсем молодяжечка: ему от роду двенадцать лет.

Видит Илья Муромец: появился невесть откуда незнамый богатырь. Богатырь удалой-молодой, будто он и не в бою, не на войне, будто он на веселой игре. Богатырь забавляется, он не бьется, потешается. Вот плеточкой шелковою коня доброго понуживает, конь от плеточки попрыгивает. Удалец-молодец в бою скоком быстрым поскакивает, у татар головки смахивает, пополам их разрубливает, еще палицей пришибливает да конем их притаптывает. Понатешился боем удалец, размахнулся вдруг палицей да закинет как ее в небеса выше дерева стоячего, выше облака ходящего. А пока булава летит, в это время Ермак-молодец острый меч вдруг выхватывает, вправо-влево помахивает, понавалит валом ворогов да и к палице успеет еще подлететь-подхватить ее. Как за добрым-то молодцем Ермаком Тимофеевичем на угон не угонишься, на усмотр не усмотришься. На него Илья Муромец все глядит, да дивуется, да тревогою тревожится: «Молодой Ермак неопытный, на задор зря задорист он — надорвется молодяжечка, молодую свою силушку он прирвет раньше времени, и убьют его татарове, разорвут басурманове!»

Встреча с Ермаком в бою свершилась еще до гибели Алешиной. Чтобы укротить молодяжку и недопустить надрыва, Илья Муромец посылает Алешу Поповича, а после неудачи Алешиной — Добрыню. Но и Добрыне не повезло: не хватило сил остановить неостановину. Пришлось самому Илье догонять-утихомиривать. И даже Илья не может справиться с задорным. Ермак мечом помахивает, меч играет-посверкивает. Для юнца-молодца Ермака то не бой, а забавушка, для татаровей — лихая беда.

Илья Муромец вынужден вынуть из припасу «храпы белые», он изловчается и накидывает их на Ермака. Тут Ермак Тимофеевич — он на храпы рассержается, на опутья разгорается, он рвется и мечется, хочет храпы с себя оборвать, все оборвыши по полю разметать. Храпов белых Ермак не сорвал, их по полю молодой не разметал, только юный

богатырь молодой потащил он Илью за собой. А Илья — он ведь опытен, и сноровист, и догадлив был, он слегка да по-легонечку, он стиха да по-тихонечку, он смала да по-маленечку пути на руку наматывает, Ермака к себе притягивает, ласково уговаривает: «Укроти ты, Ермак молодой, богатырское юное, ретивое сердечушко!»

Ермак удалой-молодой укротился, успокоился, повернулся к Илье Муромцу, говорил таковы слова: «Здравствуй, славный святорусский богатырь стар казак Илья Муромец!» Так вот и встретился да познакомился в бою старый трехсотпятидесятилетний Илья с молодым, двенадцатилетним Ермаком...

В борьбе с татарами роковой конец постиг Добрыню Никитьевича. В разгар боя, когда засверкали мечи у всей дружинишки, зазвенели кольчуги серебряные, запосвечивали шлемы золоченые, засияли щиты богатырские, загудели-запели тетивы на руках, засвистели стрелочки каленые, загремели палицы булатные, заревели татарове поганые, в этот миг боевой... вдруг конь под Добрыней вспотыкается, а Добрыня на коня осержается... В тот миг перед ним, перед Добрынюшкой, смерть грозная появляется, престрашная, голозубая: «Стой, Добрыня, на свой век навоевался ты! Ты наездился, набогатырился!»

Вопрошает Добрыня громким голосом: «Кто ты есть таков? Богатырь ли ты? Царь-царевич ли? Королевич ли? Из какой земли? Из какой орды? Для чего свои указы указываешь, дела правого не даешь творить?»

Отвечает пустоглазиха Добрынюшке: «Я не царь, не король, не царевич я! Я не витязь из земли, не богатырь из орды! Только всех богатырей я на земле сильнее, только всех властелинов властительнее! Я смерть твоя! За тобой пришла! Полно ратиться тебе, молодецествовать!.. Вынимаю я пилля невидимые, достаю ножи наостренные, подсеку тебе жилочки становые, выну душу из тела богатырского!»

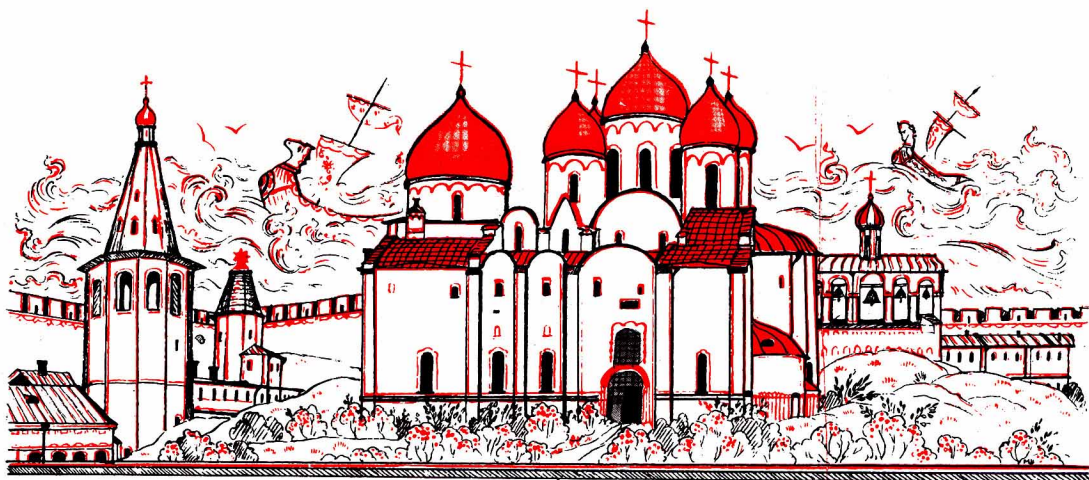
Возмолился Добрыня к душегубице: «Пощади меня, смертья все-сильная! Дай сроку мне на один хоть год!» Умолить-то смертину не умолишься, сроку-воли у ней не упросишься. «Я не дам тебе жизни и на день на один!» — «Дай мне времени, смерть, хоть на три часа!» — «Я не дам тебе ни мига единого!»

Доставала тут пилля зубчатые, доставала смерть ножи наостренные, подсекала смерть Добрыню, приговаривала: «Мой сегодня день пиروvanьице! Я Добрынюшку в этот миг подсеку, погублю в другой Илью Муромца!»

Илью Муромца смерти не удалось подсечь. А когда он усмотрел-углядел, как татарове стали напирать после гибели Добрыни, то Илья позвал-приказал Ермаку: «Ты послушай, Ермак Тимофеевич! Пал Добрынюшка во честном бою: отмахалися руки богатырские, отслужились ноги резвые, и татарове одолевают там. Ты иди, Ермак, ты встань головой, замени там Добрынюшку Никитьевича!»...

Нет, не перевелись богатыри на Руси. Русские богатыри, и прежде всего Илья Муромец, знаменуют собой новые времена в мировом народном творчестве: они знаменуют собой победу над роком, они знаменуют собой победу над великанскими стихийными силами, они знаменуют собой умение самим ковать свою судьбу! И в этом едва ли не самое главное значение наших былин.





Господин Великий Новгород



Новый город этот — Новгород, он хоть и новый, а старее его города на Руси поищешь: больше 1100 лет стоит, а все новый! Новгород знаменит в нашей истории: он создал-зложил-основал русскую государственность — свою, особую, самобытную *вечевую*; он не был под татарским игом, его не разоряли татары, он отстоял Русь против немецких рыцарей и шведских завоевателей, он оградил русский корень и сохранил русскую основу для русского языка и русской (великорусской) народности.

Словутна новгородская вольница — государственная независимость, или свобода. А и та свобода, а и та вольность свободна-вольна-независима была от правителя, от князя. По новгородскому уложению князья призывались на службу на наряд, но князья также и отзывались со своей управленческой службы, когда оказывались худыми. Хорош князь, так и управляй. «А худ князь, так и в грязь!» — такой беспощадной пословицей выражали свой закон новгородцы. Никакого преклоненья, никакого подобострастья перед властью! И государственным устройством новгородцы были горды, так горды, что подчас и до бога не прочь были бы добраться: когда он худ окажется, то и его из-

гнать бы под звон вечеревого колокола, под крики вечеревого собрания. В те времена новгородцы, видимо, богов «сменяли»-таки. Не зря же и до наших времен сохранилась пословица: «Хорош бог, так пригодится молиться, а если бог да плох, то смахивай его горшки накрывать». Или: «Что тому богу молиться, который не милует!»

Православье возвысило уважение к богу. А новгородцы гордость свою ни перед людьми, ни перед князьями, ни перед небом унизить не захотели и сравнивали свой любимый, свой несравненный Новгород с самим всевышним богом-господом, что и выразили в горделивой пословице: «Никто против бога и Великого Новгорода!»

Новгородский вечевого свичай и обычай отвергал княжескую или царскую династию и тем самым исключал самодержавный произвол. Законоположенный порядок новгородский управляться *призванным*, а не *родовым* князем продержался до XV века. В свое время новгородцы призвали на княжение Александра Невского, а потом он им показался худ, и они его отозвали, а потом опять призвали. Последний раз новгородцы призвали князя из Литвы. Но с этим не мог смириться московский князь Иван III, и в 1471 году в битве на реке Шелони Иван III разгромил новгородское ополчение. А дальше начались переговоры, и они тянулись до 1478 года.

Новгородцы любили нелюбому князю выговаривать: «Ты князь — себе, а мы — себе!» — скажут да и покажут князю «путь от себе». И тут, и на переговорах с московским князем они не многословили, а больше такали: «Так! Так!» А про себя хитрили: «Свое возьмем! Ты, Москва, себе, а мы — себе! Мы покажем тебе путь от себе!» А и промахнулись: не удалось им показать Москве путь от себя. И осталась только поговорочка: «Новгородцы такали, такали, да Новгород и протакали!»

Некоторые историки древний новгородский государственный обычай призывать и отзывать князей перетолковали на свой лад произвольной переделкой слова «наряд» на «порядок», представили славяно-новгородское общество как некий сброд, порядок в котором мог навести только иноземный правитель, без иноземцев будто бы не было бы и русской государственности, а принесли нам ее будто бы варяги. И даже слово «Русь» тоже от варягов! А теперь заметим, что у варягов нет слова «варяг», а самоназываются они «норманнами», а слово «варяг» русское. У варягов же нет и слова «русь», ни племени такого, ни корня в словах, ни следа, ни наследка, как ни ищут ученые, а най-

ти не сумели. Да и не найдут никогда! И это видно из летописи: оказывается, призванные князья увели из варягов «всю русь»: избрались три брата «с роды своими, и пояша по собе всю русь, придоша... И от тех варяг прозвася Русская земля». Что же это за варяжское племя «русь»? И как оно могло до единого человека все подняться и явиться во славянскую новгородскую землю?

Поверим летописному сказанью, что за морем была «русь», да только не варяжская, а русская: на Балтийском море, на островке каком-то, по-видимому, было русское поселение «русь», а владел им Рюрик, князь из Ладоги. При очередном призвании князя в Новгород он вместе с дружиной частично из варягов, а частично из русских с русского острова да из Ладоги сел на княженье в Новгородской земле.

Новгородское вольномыслие, новгородское вольное обращение с князьями, особое значение для Новгорода торговли, водных, речных и морских плаваний — все это наложило особый отпечаток на былевое творчество. По языку, по ритмике, по всему своему духу новгородские былины — былины общерусские, а по содержанию они очень самобытны.

Взять былину о Ваське Буслаеве. Он, Васильюшко Буслаевич забубенная головушка, и в кого только уродился таким: ведь отец его

Жил Буслав девяносто лет,
Жил Буслав целу тысячу,
Живучи Буслав не старился,
Вдруг Буслав да и преставился...

Живуч старик — тысячу лет прожить! Однако старик-вековик был тих и смирен:

С Новгородом не перечился,
С каменной Москвой спору не было,
С Киевом Буслав во брань не вступал...

Таков отец, а сын не в отца издался: он с самим Господином Великим Новгородом во спор вступил... Да что там Новгород, или Киев, или Москва, Васька Буслав Христу всевышнему вызов посылает, непочтенье оказывает: купается-забавляется со дружиной в Иордань-реке, не омовенье смиренное принимает да чтоб в одежде, а голышами буянничают-веселятся. Ваське говорят: «Худо поступаешь, что не почитаешь Иордань-реки — ведь в Иордань-реке крестился сам Иисус

Христос!» А Васеньке и то нипочем: не верует Васька «ни в сон, ни в чох, ни в птичий грай», а верует Васька во свой «червлёный вяз».

Захотел утихомирить буяна старичище-пилигримище и выступает он против Васьки, чтоб не бил, не калечил новгородцев Васька; и не что-нибудь, а колокол со святой Софии надевает себе с собора Софийского в защиту старичище. Васька Буслаев своим червлёным вязом ударяет по колоколу, убивает старичищу. А старичище тот — сам архиепископ новгородский.

Разгульный да буйный Василий Буслаев олицетворяет собой и новгородскую вольницу, и несчисленные крестьянские бунты, и восстанья против Новгорода, против киевских и московских князей, в нем — и русская удаль, и безумная отвага.

Василий гибнет. Не потому он подвержен року, что бунтарь и даже в какой-то мере богоборец, не потому, что он расправляется с новгородским святителем, не потому даже, что высказывает непочтение самому Христу, а потому погибает Василий, что кощунствует над мертвой головой:

Уж как стал Василий попинывать,
Да сухую голову поталкивать...
...И провецилась да кость суха голова
Человеческим да ведь голосом:
«Ах же ты, Василий сын Буслаевич!
Ты меня, ты кости, не попинывай,
Ты сухой головы не поталкивай,
Я ведь кость-голова не мошенница,
Я ведь кость-голова не подорожница,
Я ведь кость-голова не татарская,
Я ведь кость-голова была крестьянская!
Ай же ты, Василий сын Буслаевич!
Как твоей голове тут кататися,
Рядом с костью со мной тут валятися!»

Пощадил Василья рок в борьбе с новгородцами, пощадил Василья рок за кощунство над Христом на Иордань-реке, пощадил Василья рок за убийство святого отца, да не пощадил Василья рок за кощунство над мертвой головой *крестьянской*: скочил Васенька через бел-горюч камень и... убился.

Господин Великий Новгород не создал героических военно-богатырских былин. А может, они были и созданы, да слились с киевскими. Так или иначе, а Новгород славен былинами из мирной жизни.

Правда, мирная жизнь эта перемежается драками да убийствами. Да ведь драки-убийства — не то главное в новгородских былинах. И вот тот же образ Васьки Буслаева привлекает не тем, что Васька убил страшилища-пилигримища под софийским колоколом, а тем привлекателен он, что воспеваает и возносит душевную удаль, и отвагу, и бесстрашие перед судьбой.

Другой былинный новгородский герой Садко — этот уже может бороться и побеждать рок, что роднит его даже с Ильей Муромцем. Был Садко бедным гусярем, стал Садко богатым новгородским купцом. Но купечество, но богатство не вскружило голову Садку, не ослепило глаза, не омрачило разум: Садко и в купцах оставался искусным певцом-гусярем. Да и как Садку изменить гусям? Люди о Садке не думают, так гусли звенят ему; люди о Садке забывают, так гусли веселят его на берегу Волхова, на зеленом у Ильмень-озера. Тут играет Садко, тут песни поет, тут душу в одиночестве отводит. И услышал песню его, понял игру его сам царь морской Водяной. Он за игру, он за песню, он за чудные гусельные звоны делает Садка богатым гостем. А как? Поехал Садко по Ильмень-озеру, закинул Садко сети-неводы, выловил Садко богатый улов. А привез улов Садко в Новгород и стал тот улов весь красным золотом, чистым серебром, скатным жемчугом, все камнями драгоценными, все яхонтами самоцветными. Любопытно, что которое золото погубило викингов Гуннара и Хогни, и то золото тоже было добыто из воды чудесным, хотя и насильственным способом: бог огня Локки отнял это золото насильно у гнома Андвари.

Однако богатство в отличие от Гуннара и Хогни не сделало Садка ни жестоким, ни кровожадным, ни скупцом, ни скрягой. Золото только забавляло Садка. Он пытался выкупить все товары в Новгороде, чтобы пошутить над новгородскими купцами да именитыми людьми. Иногда шутка удавалась, а иной раз и нет. Но удача опять же не ослепляла Садка; а неудача не повергала в печаль. Садко и с несметным своим богатством остается деятельным. Он ездит по морям и рекам, и по озерным водам, и не покидает гуслей, своего основного призванья.

Вот построил Садко тридцать кораблей, погрузил на них товаров дополна, золотой казны добогата. Вот едут-бегут корабли по славному Волхову, плывут по Ладоге, а из Ладоги по Неве-реке, а из Невы-реки в сине море. Поднялась на море буря-непогода, налетели ветры-вихори, паруса-то рвут, ветрила разрывают, корабли ломают. Остановились корабли. Догадался Садко: морской царь Водяной требует жертвы. Кида-



ют золото. Не принимает море золота, жаждет жертвы человеческой. Чтобы выпытать, что требует рок, бросают моряки-пловцы жребий. И как ни кинут, все выпадет Садку — быть ему жертвой синему морю, Водяному царю. Уже на хитрости пошел Садко: себе сделал жребий липовый, дружинникам — по золотому. Золотые по воде плывут, липовый жребий на дно тонет! Приходится Садку подчиняться року-судьбине-неминучине. Оставляет Садко богатые корабли, оставляет Садко заморские товары, оставляет Садко красное золото и все богатства. С одним не расстается Садко: берет свои гусли звончатые. С белым светом прощается Садко: «Прощай, Господин Великий Новгород! Уж и мне с тобой, Господин, споров не споривать, дел не делати, торгов не торговати, пиров не пировати, на гусях тебя, Господин, не тешити! Прощайте, леса темные, нивы зеленые, прощай, небо синее, прощай, солнце красное! А мне, леса, рокота вашего не слышать, а мне, нивы, по зеленым вам не гулять, а мне, солнце, под светлым тобой не быть, луча красного не видеть, неба синего, звезд частых, ясного месяца очами не зреть! Прощай, Ладога-озеро, прощай, Ильмень-озеро, прощай и ты, седой Волхов. Уж мне по вам на легких парусах не хаживать, неводов не закидывать, рыбыцы не лавливать, уж мне по тебе, седой Волхов, в легкой лодочке не езживать, на берегу не сиживать, песен не играть, гуслими не званивать! Прощай, дружинушка хорошая! Прощайте, братцы-мореходцы! Да и мне с вами кораблей не важивать, по дальним странам не езживать, заморских товаров не покупывать, ни счастья-удачи не видывать, ни бурь морских не одолевать!»

Распростился смиренно с жизнью Садко. Не ради золота, как златолюбцы Гуннар и Хогни, он принес себя в жертву, ради людей, ради дружины, ради друзей своих. И вот он на дне синего моря, у самого царя Водяного. Радуется Водяной: «Ты морскому царю дани не плачивал, а теперь сам весь пришел ко мне во подарочек!» Заставляет Садка Водяной на гусях играть. Заставляет Садка Водяной жениться на дочери. Все делает Садко, как Водяной приказывает. Но гусли он рвет, жену молодую не обнимает, не целует и... получает свободу: оказывается на берегу речки Черnavы. Видит Садко, как бегут по Волхову его корабли — вперед корабельщиков дома оказался гусяр-купец-мореходец. А соблазنىсь он морской царевной, а поцелуй-обними он свою невесту и подводную жену, утонул бы в речке Чернавe, не вернулся, погиб бы тогда Садко!

Так по-своему, по-новгородскому воспел Господин Великий Новгород неистребимость русского духа. Садко — не витязь, не казак, не воин, не боевой богатырь и не в броне, и не в кольчуге. А все же побеждает судьбу и рок, как сам славный Илья Муромец. Побеждает он верностью своему человеческому призванию. Садко, как и Илья Муромец, испытал *три дороги*: был он на погибельной — принес себя в жертву морскому царю, но одолел морского царя тем, что душой не подчинился царю, будучи в плену у него, а перестал забавлять его гуслими, а те гусельки любимые яровчатые, когда ударил неминуемый час, он порвал-поломал! Не погубил его царь морской ни дочерью-рекой. Не погубил душу Садкову морской царь и золотом: ведь он, Садко, легко расстанется с ним ради того одного, чтобы спасти от гибели ближних своих!

Уже две эти былины, два образа, две личности — Василий Буслаевич и Садко — немалый вклад Новгорода в былинную сокровищницу русского народа. Но Господин Великий Новгород создал еще и величественный образ, и он величавее всех иных, этот образ пахаря-земледельца, образ Микулы Селяниновича. Былины о Микуле Селяниновиче созданы новгородской землей. И в том еще велика заслуга Новгорода, что после татарского нашествия он стал верным наследником, и хранителем, и умножателем русского былевого творчества: новгородские земли оградили-сберегли-сохранили былины и от татарского истребления, и от царских гонений. Через этот духовный подвиг новгородцев русский народ сохранил в памяти для себя и для человечества великие наши «преданья старины глубокой» до наших дней.

Царь Алексей Михайлович задумал искоренить на Руси творческий народный дух, народное веселье, былины в том числе — это-де противоречит православию, богу, Христу, христианству, это-де все от беса. И принялся царь истреблять на Руси сказителей и певцов, гуслиров и гудцов, плясунов и скоморохов. Гонимые нашли пристанище в северных землях, в новгородских владеньях. И в ответ на царские гоненья скоморохи составили свою скоморошью былинку, где крестьянин Вавило побеждает царя-собаку и сам становится на царство. И чем побеждает? Искусством, игрой во гудочек!

Скоморох с Пресни наигрывал песни. О чем пел скоморох, о чем наигрывал веселый? Невеселая жизнь настала для скомороха на чужой стороне, в изгнание. Да не унывает певец, и игрец, и дудочник, и балалаечник, хоть над ним и смеются, над московским аканьем потешаются: «С Масквы, с пасада, с авашнова ряда!»

О чем пел, о чем гудел веселый человек с подмосковной реки Пресни? Он пел, он гудел, он собратьев собирал на великое дело, не на пустомелье. Сокликал-созывал, он звенел-призывал: «Мы пойдемте, скоморохи, скоморошить, мы пойдемте на Иное царство переигрывать царя Собаку, еще сына его да Перегуду, перекликивать дочь Перепеву, переплясывать зятя Переплясу!»

Собирались веселые люди, сокликались на собор скоморохи, уходили они в Иное царство переигрывать царя Собаку. Царь Собака могуч и силен, над морями Собака царюет, он хлябями управляет, он водами повелевает. Как увидел он скоморохов, заиграл во гудок Собака, загремел во громоносные гусли, заволынил царь Собака на волынке. И поднял он море на воздух, накатила Собака хляби на землю, напустил на скоморохов воды. Хочет царь Собака веселых людей волнами накрыть, хочет царь Собака скоморохов хлябями морскими захлестнуть, хочет царь Собака скоморохов водой затопить.

А и тут скоморох Вавило, он умел раньше землю пахати, еще белую пшеницу засевати, нынче он стал гораздым скоморохом; заиграл Вавило во гудочек, он во звончатый во переладец, а Кузьма подыграл на гусях, а Демьян-то он приспособил. И утихло волнистое море. И отхлынули вспять тут хляби, отбежали зеленые волны. А Вавило да с ним скоморохи все гудят, да поют да играют, все веселые люди пляшут, и на правую ножку припадают, и на левую они приседают. От огнистого веселья загорелось Иное царство и сгорело с краю и до краю...

Вот как сильны скоморохи! И эту силу сохранил и воспел в былинах «Вавило и скоморохи» свободный и своевольный, непокорный и непокоренный Господин Великий Новгород.





ЧЕМ БЫЛИНЫ ЖИВЫ



людской толпе на базаре, да не лучше и в людном зале послушаешь речь да слова... говор да молва... Шумит-бурлит, как морская волна... Ни внять, ни понять. А и не в толпе находятся друзья, разговор у которых не ахти вразумителен. Не говорят иные, а из-под камня слова киркой выковыривают, слово за словом, что на лопате тяжелый груз подают; слово вымолвят, словно жвачку пережуют.

И все это от нестройного говора, от несовершенной речи. А можно и каждому нестройное устроить, несовершенное усовершенствовать: путь к тому через песню! Через стих! Заметим, что для русского народного просторечья, что песня, что стих — едино. Когда речь остихована в стих или в песню, а стих или песня озвучены пеньем, то рождается очарование и волшебство. Так случилось со знаменитым собирателем русских былин Павлом Николаевичем Рыбниковым, когда он при поездке за былинами-старинами на Север был околдован, и очарован, и потрясен... Вот послушайте о том от самого Рыбникова:

«Около пристани было много лодок из Заонежья... Я улегся на мешке около тощего костра, заварил себе чаю в кастрюле, выпил и

поел из дорожного запаса... и незаметно уснул; меня разбудили странные звуки: до того я много слышал и песен, и стихов духовных, а такого напева не слыхивал. Живой, причудливый и веселый, порой он становился быстрее, порой обрывался и ладом своим напоминал что-то стародавнее, забытое нашим поколением. Долго не хотелось проснуться и вслушаться в отдельные слова песни: так радостно было оставаться во власти совершенно нового впечатления. Сквозь дрему я рассмотрел, что в шагах трех от меня сидит несколько крестьян, а поет-то седатый старик с окладистой белою бородою, быстрыми глазами и добродушным выраженьем в лице... На корточках у потухавшего огня он оборачивается то к одному соседу, то к другому, и пел свою песню, прерывая ее иногда усмешкою... Много я впоследствии слыхивал редких былин, помню древние превосходные напевы; пели их певцы с отличным голосом и мастерскою дикцией, а по правде скажу, не чувствовал уже никогда того свежего впечатления, которое произвели плохие варианты былин, пропетые разбитым голосом старика Леонтия на Шуй-наволоке».

Вот видите: и «варианты плохие» и пропеты они «разбитым голосом», а каким-то былинным дивом очарованье создано неизбывное. Чем живо это былинное волшебство? Словом своим оно живо, стихом устроено, своим особым народным стихом. А стих этот великий Пушкин называл *«настоящим русским стихом»*. Да одна беда: «настоящий» стих этот и поныне не понят по-настоящему: мешает все тот же неверный закоренелый взгляд на былины как на устарелое, на отжившее искусство. Ну уж если былины «устарели», то и стих былинный надо признавать устарелым и ненужным. Но былинный стих таков же, как и всякий другой народный наш стих. А вот его-то совсем по-иному расценивал Александр Сергеевич Пушкин. Наш великий поэт уповал на то, что «со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. Одна вызывает другую. *Пламень* неминуемо тащит за собой *камень*. Из-за *чувства* выглядывает непременно *искусство*. Кому не надоели *любовь* и *кровь*, *трудный* и *чудный*, *верный* и *лицемерный* и проч.

Много говорили о настоящем русском стихе. А. Х. Востоков определил его с большой ученостию и сметливостию. Вероятно будущий наш эпический поэт изберет его и сделает народным».

А не устанем ждать будущего этого эпического поэта и уповать на него. Однако же время показало: востоковского ученья о русском



народном стихе для стихотворческой практики недостаточно. Вот и приходится брать на себя смелость и самостоятельно вникать в наш исконный природный, наш народный стих: как он устроен, чем настроен, чем жив?

Велика сила, огромно воздействие живого да устроенного слова. Не пройми копьем, пройми языком! Не срази стрелой, срази словом! Не бей картечью, бей речью!

Устройка да настройка словесной речи высоко ценится народом: строй лучше песни — не зря говорят. Стиховой строй в русской народной словесности *един*, что для былины, что для песни, что для частушки и применим к любому содержанию.

Наши народные ритмы выработаны столетиями на основе *разговорного просторечья*, и в них поэтому есть все *разговорные* переливы, наголосья и проголосья, голоса и подголоски. Поэтому в народном нашем песенном стихе укладываются все ритмы из всех пословиц, загадок, поговорок, прибасок, присловий, прибауток, даже и тех, которые никогда не пелись, для песен не назначались. Вот почему ошибочно утверждение, что русский стиховой или песенный ритм можно понять только в пенье. Как раз напротив, пенье зачастую накладывает на речевой ритм дополнительные накладки, прибавки, надставки, они же затрудняют выявлять основной речевой или разговорный ритм.

Русский строй песневой — в нем свой лад, да мера, да третий счет. Вот песенка про комара, как он на мухе поженился:

Ох, да что это за шум приключился?
То комар на муху поженился!

Узнать бы, что в ней *ладится*? Что меряется? Что считается? Можно и без напева добраться до дела, а тут напев — помощник. Хочешь — пой, хочешь — нет, а одно ясно: песенка расчленяется на членники, разделяется на долики так:

ОХда ЧТОэ ТОЗа ШУМ ПРИкля ЧИЛ СЯ
ТОко МАР НАму ХЕ ПОже НИЛ СЯ

Семь членников, или доликов, или ладов, выделилось: песенка наладилась на семиладную меру. Число слогов в обоих стихах разное — 11 и 10, и сочетаются они также по-разному:

ОХда	ЧТОэ	ТОЗа	ШУМ	ПРИкля	ЧИЛ	СЯ	
2	2	2	1	2	1		1=11 слогов;
ТОко	МАР	НАму	ХЕ	ПОже	НИЛ	СЯ	
2	1	2	1	2	1		1=10 слогов,

а мера *одна* — *семиладная*, или *семидольная*. В народном русском стихе ведется счет *ладов*, а не *слогов*, при этом все лады несут хоть какое-нибудь ударенье: безударных ладов нет. Лады могут состоять из двух или из одного слога. Если лад двусложный, то один слог в нем безударный. А если лад односложный, то все равно он несет на себе удареньице*. Ладный бой, или ритм-ладобой, можно услышать не только в песнях, но, например, и в пословицах. Вот семиладные пословицы:

Вес да мера до греха не допустят.

ВЕСда МЕра ДОгре ХА НЕдо ПУС ТЯТ

Там узнаешь, где раки зимуют.

ТАМуз НА ЕШЬгде РА КИзи МУ ЮТ

А что пословицы — петь? Не обязательно! А споете — не велик грех: ладобой речевой лучше уловите.

Под тот же ладобой, под который «комар на муху поженился», Александр Сергеевич Пушкин составил «Сказку о рыбаке и рыбке»:

Пуще прежнего старуха вздурилась,

ПУще ПРЕжне ГОста РУ ХАвзду РИ ЛАСЬ

Не дает старику мне покою...

НЕда ЕТ СТАри КУ МНЕпо КО Ю

Удивительно, а для тех, кто привык ко стиховой равносложнице (силлабике), даже не постижно это русское стиховое чудо — уметь из разного числа слогов да в разных сочетаньях извлекать один и тот же ритм, или ладобой. Стихотворное наше чудо чудное, диво дивное вытекает из *равноценности двусложных и односложных ладов*.

Сочетанья односложных ладов с двусложными могут быть самыми разными, поэтому для одного и того же ритмического (ладобойного) счета, например для *семиладного*, находится множество разных сочетаний. Это обогащает русскую ритмику и делает ее пышной, многоцветной, переливчатой. Беда вся в том, что обогащающие те ритмические подголоски невнимательные читатели не умеют слышать из-за незнания ладобойной природы русского стиха.

Кто *привык* ко книжному равносложью во стихе, тот может для избранного ладобойного строя, пусть того же семиладного, ограничить себя и выбрать из всего стихоладного множества один какой-нибудь на-

* Слоги под удареньем выделены у нас прописными буквами.

бор слогов. Это обедняет ладобойное богатство, зато приближает стихотворство к привычным книжным приемам. Так поступил, например, Демьян Бедный, когда под песню-веселуху о женитьбе комара на мухе составил свою знаменитую песню:

Во солдаты меня мать провожала,
Как тут вся моя родня набежала...

Это народ так переделал демьяновские стихи. А у Бедного они вот таковы:

Как родная мать меня провожала,
Как тут вся моя родня набежала...

Сильный поэт берет народный стих во всей многозвучной, мощной и разнослоговой переливности, как, например, Пушкин во своей «Сказке»:

1. Отыскали старика, привели к ней.
2. Говорит старику старуха:
3. «Воротись, поклонися рыбке.
4. Не хочу быть вольною царицей,
5. Хочу быть владычицей морскою»...

I — Оты СКАли СТАри КА ПРИве ЛИ КНЕИ
2 2 2 1 1 2 1=11 слогов.

II — Гово РИТ СТАри КУ СТА РУ ХА
2 1 2 1 1 1 1=9 слогов.

III — ВОро ТИсь ПОКло НИ ся РЫБ ке
2 1 2 1 1 1 1=9 слогов.

IV — НЕхо чу БЫТЬ ВОЛЬНО Юца РИ ЦЕЙ
2 1 1 2 2 1 1=10 слогов.

V — Хо чу БЫТЬвла ДЫчи ЦЕЙмор ско Ю
1 1 2 2 2 1 1=10 слогов —

пять стихов, а только второй да третий во всем одинаковы по стихоладу: и число слогов, и сочетанье в них одно; а прочие стихи все отличны друг от друга — либо числом слогов, либо сочетаньем их в лады. При таком неисчислимом стихоладном богатстве русский стих по ритмической гибкости приближается к прозе, однако остается стихом; но стих тот приобретает совершенно разговорный ладобой, в котором каждая строка, при неизменной ладности, вносит свою особливую, свою личную струю ради пущей выразительности.

Русским семиладным строем Пушкин написал еще почти все песни западных славян да к тому стих «Еще дуют холодные ветры».

А вот клюжинская семиладная песня:

Пришел молодец на гулянье,
Он на девичье танцеванье.
Одна девушка всех смелее
Вышла с молодым погуляти,
Со удаленьким танцевати.
Она молодца присборола,
На нем синь кафтан испорола,
Черну шляпицу с кудрей сшибла.
Пошел молодец, сам заплакал,
Черной шляпищей захватился,
Родной маменьке жалобился:
«Ах ты, маменька мать родная,
Ты на что меня спородила —
Меня девица осрамила!»

Хотя молодец заплакал, да песня при всем том *плясовая*. Ее запомнила сестра моя Анна, от нее и записал я.

Видите, как живет этот семиладный строй и в старых временах, и в современности, и в сказках, и в стихах Пушкина, и в песнях от клюжинской живой старины до демьяновской новины.

Редко, да встречаются и былины на таком семиладном стихоладе:

У честной вдовы да у Ненилы,
А у ней было чадо Вавило.
А поехал Вавилушко на ниву,
Он ведь нивушку свою орати,
Еще белую пшеницу засевати...

А вот еще песня, и тоже семиладник:

С ярмарки ехал ухарь-купец,
Ухарь-купец, удалой молодец...

В советское время к ней была придумана добавка:

Долой, долой монахов, долой, долой попов,
Бей спекулянтов, дави кулаков!

К такому же точно ритму относится частушка Маяковского:

Ешь ананасы, рябчиков жуй,
День твой последний приходит, буржуй!

В трех последних примерах нет единства в числе слогов в стихах однако все стихи тут едины по ладобою: все они семиладны, только семиладность уж не та, что была, — это и ухо слышит, и разбивка на лады и сопоставление выявляет:

ОХда ЧТОэ ТОза ШУМ ПРИклю ЧИЛ СЯ
СЪЯР МАРки Е ХАЛ У ХАРьку ПЕЦ

Лады:

I II III IV V VI VII

Сравним, так увидим, прислушаемся, так услышим: в первом стихе на II, IV, VI, то есть на *четных* ладах ударенья сильнее. Этот *семиладный* стих назовем *четнобойным*, а второй стих — *нечетнобойным семиладным*: в нем ударенья падают на *нечетные* лады: на I, III, V, VII.

Вот *семиладник нечетнобойный* из былины «Молодость Чурилы». Чурила — богатырь недостохвальный; он из тех, про которых пословица сложена: молодец против овец, а против молодца и сам овца.

Очень живо описывается наезд Чурилы на Киев. Как всегда, у Владимира Красного Солнышка шел пир. Хорошо государь распотешился, выходил на крылечко и зрел-смотрел в поле чистое. А из поля-то из чистого идут мужики да все киевляне.

Бьют челом да жалобу кладут:
«Солнышко ты наше, Владимир князь!
Дай, государь, свой праведный суд,
Дай на Чурила, сына Пленковича.
Сегодня у нас на Сорогe на реке
Неведомые люди появились,
Шелковы неводы замечывали,
Тетивки были семи шелков,
Плутвица у сеток серебряные,
Камешки позолоченные,
Рыбу сорогу повыловили:
Нам, государь свет, лову нет,
Тебе, государь, свежа куса нет,
Нам от тебя нету жалованья.
Скажутся, называются
Все они дружиною Чуриловой». —
Та толпа на двор прошла,
Новая из поля появляется...

И новая толпа жалуется насчет истребления теперь уж птицы да зверя в лесах. А дальше и того хуже — дружина Чурилова и до Киева добралась да озоровать принялась:

Ехали-приехали во Киев град,
Стали по Киеву уродствовать:
Лук-чеснок весь повырвали,
Белую капусту повыломали,
Старых-то старух обезвечили...
Красных девиц опозорили.

Стобит остановиться на таких вот строках:

Та толпа на двор прошла,
ТА ТОЛ ПА НА ДВОР ПРОШ ЛА

Новая из поля появляется.

Нова Яиз ПОля ПОя ВЛЯ ЕТ СЯ

Первая вся состоит из односложных ладов и семи слогов, вторая — из одиннадцати. Очевидно, что стих с числом слогов меньше семи выпал бы уже из семиладного строя. Значит, в русском стихе число слогов может меняться не по произволу, а в заданных пределах: их не может быть меньше, чем число ладов, — это нижний предел. А где верхний? Или для верха предела нет? Есть! Оказывается, что лады в русском стихе, как правило, могут быть только одно- или двусложными. Стало быть, когда все лады в стихе двусложны, то это и полагает верхний предел для числа слогов: удвоенное число ладов — вот число, больше которого слогов в стихе быть не может. Если будет больше, то стих разрушается. Пример на многосложный семиладник нечетнобойный дает следующий отрывок из одной «святочной» клюжинской песни:

Ходит-гуляет Анята в терему, (11 слогов)
Пуховые подушки перебрасывает, (13 слогов)
С миленьким дружочком разговаривает... (12 слогов)

А все же основной-то стиховой размер, которым наши былины живы, это *восмиладник четнобойный*. Этот же ритм стиха — главный и для частушек, и для всяких песен народных, и даже для плачей!

Былинный стих из-за того, что его не понимают, иные считают тягучим и расплывчатым, нечетким и студенистым. На самом деле былинный стих очень жив, четок, весел, ритмичен и ладобен. Прислушайтесь, вот как он может звучать:

Как повышла, повышла, повыбежала, (12 слогов)

Выбегала, вылетала матка Волга река. (14 слогов)

Какое чарующее веселье в нем, какова звуковая утеха, какова плясучая дробь, и не однозвучная, а разливистая:

ТАра ТАТ ТАра ТАТ ТАра ТАТ ТАра ТА

КАКпо ВЫш ЛАпо ВЫш ЛАпо ВЫ БЕжа ЛА

ТАра ТАра ТАра ТАра ТАра ТАТ ТАра ТА

ВЫбе ГАла ВЫле ТАла МАТка ВОЛ ГАре КА

Ох это сочетанье, ох эта игра на переменах: то в односложные, то в двусложные лады — сколько тут волжского простору, и волжских волн, и русского раздолья. И это былинный ритм! Но почему былинный? Потому что в былинах он живет, потому что им былины живы!

Русский стиховой восьмиладный четнобойный ритм с особенным богатством раскрывается в плясовых частушках. В клюжинской частушке-поплясашке:

Пошла плясать
по соломушке,
Раздайся, народ,
по сторонущке...

Пораздайтесь,
порасшатитесь
На меня,
на комара,
не навалитесь

Здесь ни один стих не повторяет другой: даже числом слогов все стихи различны — сложность закономерно растет от стиха ко стиху и

возрастает от 9 до 13 слогов. Удивительно, как частушка передает на-
растанье плясовой дроби. В былинах такой строгой закономерности не
бывает: там плясовая дробь была бы излишня. А при всем том каждо-
му стиху из частушки нашлось точное соответствие в былинах.

Былинный восьмиладник четнобойный

А волчья сыть
 травяной мешок,
А что тако
 подпинаешься?

перекликается и с советскими частушками из времен гражданской
войны

Прощай, село
 с комсомольцами:
Пошли во флот
 добровольцами!

И даже с современными любовными частушками перекликается были-
на. Сравним, например, этот отрывок из былины:

Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела.
А по той ли по дорожке прямоезжею
Дай пехотою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал:
Как у той ли то у Грязи-то у черной
Да у той ли у березы у покляпыя... —

с частушкой любовной:

Как одна стоит во поле вересиночка.
Полюбилась мне девчонка-сиротиночка.

Дивно, что даже многие из плачей имеют точно такой же ладобой,
как последняя эта частушка, — проходила «скорая смерётушка» и

Она крадчи шла злодейка-душегубица,
По новым ли шла сеням да красной девушкой,
Аль каликой она шла да перехожею,
Со синя ли моря шла да все голодная,
Со чиста ли поля шла да ведь холодная...

И вдруг еще: в плачах же

По утрушку ль
она ранешенько,
По вечеру ль
она позднешенько...

да... плясовой ритм под «Яблочко»:

Эх, яблочко,
куда ты катишься?

В неплясовых частушках чаще других полносложный ладобой; вот клюжинская частушка — она дивна своей поэзией и задушевностью:

С горки на гору иду, колечко на воду кладу,
Колечко тонет и горит, сердечко ноет и болит... —

в ней, восьмиладной, достигнут предел для полносложности: 16 слогов во втором стихе. А вот в былинах полносложные стихи редки, хотя, впрочем, встречаются:

Я могу теперь, Батыга, да добрым конем владать,
Я могу теперь, Батыга, во чистом поле гулять,
Я могу теперь, Батыга, вострой сабелькой махать!..

15—16-сложный стих — крайний случай для восьмиладника четнобойного. Другая крайность — 8-сложный восьмиладник, иногда встречается как в былинах

Ответ держал
Сухман как тут,
Ответ держал
сын Долмантьевич.

так и в частушках

Эх, пить будем,
гулять будем,
Эх, смерть придет —
умирать будем!

Умеренная разница в числе слогов создает очень живой ладобой:

И шумит, и гремит — частый дождик идет. (12 слогов)
Еще кто меня, младешеньку, до дому доведет!? (15 слогов)

Из всего того следует: а былины-те ведь можно распевать под любой плясовой напев: под «Яблочко», под «Семеновну», под «Ах, вы сени, мои сени» и т. д. Да уместно ли плясовое веселье в былинах? Зависит от содержания. При печальных или роковых содержаниях там веселье неуместно. А тогда можно брать проголосные напевы вроде:

Ах ты сад, ты мой сад, сад зелененький,
Ты зачем рано цветешь, осыпашься?

Так. А можно ли занимать напевы для былин у других песен? Можно — это народ делает!

А к веселым напевам вернуться — они в былинах уместны. Ведь свидетельствует же Рыбников, что напев старика Леонтия был «живой, причудливый, веселый», как о том было выписано выше. И даже Кривополенова — хоть былины свои исполняет она «распевом духовных стихов», — а выпевает их «быстрым распевом... энергично, отрывисто, с резкими удареньями», как о том свидетельствует собиратель А. Д. Григорьев.

Итак, ритм-ладобой в частушках и былинах один и тот же. Истовые былины, как показывает подробный и придирчивый разбор *тысяч* былинных стихов — только разбора этого из-за сбереженья места привести в этой книжечке невозможно, — истовые былины почти не имеют отступлений от восьмиладного нечетнобойного своего былинно-частушечного ритма-ладобоя. А как с другими ритмами? Например, может ли былина взять нечетнобойный восьмиладник? Обычно не берет. А все же в казачьих былинных песнях встречается:

Ой да пролегла было эта шлях-дороженька...

ОЙда ПРОле ГЛАбы ЛО ЭТа ШЛЯХдо РОжень КА

По этой дороженьке никто не проезживал,
Никто не проезживал — ой, да проезжал по ней,
По этой дороженьке, удал добрый молодец,
Разудалый молодец только Илья Муромец...

Очень хорош в песнях *шестиладник четнобойный*, или *камаринский стих*. В былинах он встречается, да редко и не всегда в чистом виде. А в народном песенном творчестве по распространенности идет вслед за былинно-частушечным восьмиладником.

Зять на теще капусту возил,	! . ' ' ! . ' ' ! . ' '
Молоду жену в пристяжках водил.	! . ' ' . ! . ' ' ! . ' '
Ну-ка, ну-ка, ну-ка, теща моя!	! . ' ' . ! . ' ' ! . ' '
Тпру-стой, молодая жена!	! ' ' ! . ' ' ! . ' '
Тебя, старую, и черт не возьмет,	! . ' ' . ! . ' ' ! . ' '
Молода жена живот надорвет!	! . ' ' . ! . ' ' ! . ' '

ЗЯТЬна ТЕ ЩЕка ПУС ТУво ЗИЛ
МОло Дуже НУвприс ТЯЖ КАХво ДИЛ

Обозначим точкой безударный слог, а восклицательным знаком — вторичное ладовое, или ритмическое, ударенье на слоге, а усиленное ударенье, которое обычно совпадает со словесным, — знаком '!', тогда имеем способ записывать ритм-ладобой. Эта запись и дана к песенке про зятя.

Не обходятся без камаринского стихолада, без четнобойного шестиладника ни пословица

Хотел да хотел не велел.	! ' ' ! . ' ' ! . ' '
ни загадка	
Едет свинка из Питера,	! . ' ' ! . ' ' ! ' ' '
Вся спинка истыкана! (Наперсток.)	! ' ' ! . ' ' ! ' ' '

Этим же стихоладом налажена известная песня «Во поле березонька стояла»:

Во поле березонька стояла,
Во поле кудрявая стояла,
Ой лю-ли, лю-ли стояла!

Богатырские былины этим стихоладом не пользуются. Есть скорморошина про птиц. Некоторые разночтенья ее составлены таким стихоладом:

Бедная, малая птичка,
Малая птичка-синичка:
Сена косить не умеет,
Стадо ей водить не по силе;
Голодом я, птичка, помираю.

Современный наш советский писатель Борис Викторович Шергин — большой знаток былинного наследия — хорошо помнил «дедовы былины»; он пел, исполнял их по-старинному, а иной раз и

предлагал по-своему. Тем же камаринским стихом Шергин переложил былинку «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром»:

Что во городе во Киеве	1. 1' 1. 1' 1'
У князя Владимира	1' 1' 1. 1' 1'
Заводился почестен пир.	1' 1' 1' 1'
Тут все-то созданы	1' 1' 1' 1'
Князья и бѣяре...	1' 1' 1' 1'

Хорош ритм камаринский в этом начине-запеве. Особую красоту и живость порождает сочетание многосложных стихов с малосложными: переход от девятисложного начального стиха в дальнейшем к шестисложному заставляет прямо-таки плясать речь.

Борис Викторович наукой о стихе не занимался, стихоладный строй осознал только чувством. А одно чувство, как ни тонко, не может всегда быть безошибочным. Впрочем, в бытине о ссоре Ильи со Владимиром стихоладных неполадок у Шергина мало, и стих отличается, как правило, звучностью и веселостью. Вот Илья зовет «голей кабацких»:

Пойдем на княжий двор,	! ' ! ' ! '
Володимира повыгоним,	! . ' ! . ' ! '
Со княжа стола повысадим!	! . ' ! . ' ! '

A:

Эти голи кабацкие,
Все горькие пьяницы,
Они валят по городу,
Идут по Киеву,
Бегут на княжий двор.
Володимир стольно-киевский

Увидал, закручинился:
«Охти тошнехонько!
Илья-то Муромец
Собирал голей кабацких.
Идут меня выгонити,
Со стола-то повьсадити...»

Сложен и богат ладобоем стих у Шергина: вот в одном последнем примере выявляется из семи *пять разных*, а все *камаринских* стихов! Надо большое искусство иметь, чтобы дать *единый ритм-ладобой* из таких разносложных стихов, как стих из 11 и стих из 8 слогов:

ПРИна ДВИнул БЕло, ДУбо ВЫХсто ЛОВ
СТУ ПАЙ НИ КИ ТИЧ МЛАД

Второй стих из восьми односложных ладов придает ладобой такую удаль, размах, силу, такую безудержность, что прямо дух захватывает от буйной живости. А выявиться стиховая бueсть может только после многосложных стихов.

Борис Шергин использовал народный русский стихолад во всей его полноте, широте и размашистости. Это и позволило ему создать былинну почти без ритмических ошибок.

По-своему Борис Шергин спел-составил былинну «Исцеленье Ильи Муромца»:

Развеличилась туча грозовая
От востока солнца на запад...
Три орла из тучи вылетали,
Ударились об сырую землю,
Перекинулись старыми стариками...
...Идут калики играют,
На правую ножечку пляшут,
На левую ножку припадают...

Старики-калики, а веселые какие!

В Муроме, на заднем порядке
Стоит убогое подворье...
Хлопнули худые ворота,
Скрипнули двери избные.
Гости порог переступили,
На правую ноженьку сплясали,
На левую ноженьку припали...

Да и сидню-калеке Илье приказали:

Взвеселись у Ильи ретивое сердце,
Размахнитесь, могучие плечи,
Разгуляйтесь, резвые ноги...

И свершилось чудо, и восстал Илья из сидня. И тогда он

Гостям поклонился в ноги:
«Вижу, люди вы непростые,
Диво надо мной учинили,
Богатырство на меня положили.
Вы где, государи, живете?»

На ответ прошумели ветры,
Будто руки упали на струны.
Трое калик орлами обернулись
И под синий облак полетели,
Клекотом друг друга позывая.

Очень задушевно и прочувствованно спета песенка-былинка эта! Строй тут как видите: семиладник четнобойный. Имеются ритмические срывы, однако песенка-душа хороша!

Много говорят об отрицательных былинных сравнениях — они в былинах будто бы в ущерб другим. Верно то, что отрицательные сравнения в былинах разработаны до изощренности, но они не стали уделом одних былин, а перешли и в другие виды народных изустных творений.

Отрицательные сравнения родились из повторов, а народившись, они еще и тесно переплетаются с повторами. Вот дивное место былинное:

Что не бель на полях забелелася:
Забелелася ставка богатырская;
Что не синь на полях засинелася:
Засинелись мечи булатные;
Что не крась на полях закраснелася:
Закраснелася кровь со печенью... —

образ ратного поля после сраженья. Какой силой он вызван, какой могоутой создан, какой красотой суровой изукрашен? Одними ли отрицательными сравнениями? Нет, эти сравнения утонули в повторах. Значит, повторы былинные и надо в первую голову изучать.

Троекратными повторами да трех же повторных средств — вот чем вызван, вот чем создан, вот чем изукрашен образ.

1) Три словесных повтора: «забелелася — забелелася», «засинелася — засинелись», «закраснелася — закраснелася».

2) Три словотворных повтора: «бель... забелелася», «синь... засинелася» и даже «крась... закраснелася».

3) Три отрицательных сравнения, в которых вдобавок ко всему еще три же раза повторено слово «во полях».

Повторы могут быть перечислительными:

И дай ты нам злата, серебра,
И дай ты нам скатна жемчуга,
И дай ты нам ясных соколов,
И дай ты нам черных соболей,
И дай ты нам черных выжликов,
И дай ты нам сивых жеребцов...

Или:

Выступал удалой добрый молодец
На свои на ноженьки на резвые,
На те ли на сапожки зелен сафьян,
На те ли каблучки на серебряны,
На те ли гвоздочки золочены...

Или:

«А нынче ты, Добрыня, на моих руках.
Захочу, Добрынюшку я оберну,
Оберну Добрыню я сорокою,
Оберну Добрыню я вороною,
Оберну Добрынюшку я свиньей.
Оберну Добрынюшку гнедым туром».
Она стала Добрынюшку обертывать.
Обернула-то Добрыню да сорокою,
Обернула-то Добрыню да вороною,
Обернула-то Добрынюшку да свиньей,
Обернула-то Добрынюшку гнедым туром.
У ней было в поле тридевять туров,
Сбылся в поле тридесятый тур.
Рожки у тура-то во золоте,
Ножки у тура да в серебре,
Шерсть на туру да рыта бархату...

Как можно, спросят, разом обернуть и в сороку, и в ворону, и в свинью, и в тура? А не слишком ли мелочен, а не слишком ли придирчив, а не слишком ли суетен такой вопрос? Оставим его без ответа, а сами подивимся диву былинному и склонимся перед его величием!

Сравнения в былинах не только отрицательные, а и сопоставительные и через «как» и через «сколько»:

И наехали удалы добры молодцы,
Те же во поле быки кормленные,
Те же сильные, могучие богатыри...

Как ясен сокол вон вылетывал,
Как бы белый кречет вон выпархивал —
Выезжал удача добрый молодец..
А и конь под ним, как бы лютый зверь,
Он сам на коне, как ясен сокол..
Уж сколько стоит лесу темного —
Да и столько поганных татаровей;
Уж и сколько в чистом поле ковыль-травы —
А того боле поганных татаровей...

Сопоставительные сравнения, как и отрицательные, могут развиваться в сложные образы:

Поехал Михайло Дородович..
Увидел он там три знаменья:
Первое знамя белым-бело,
Другое знамя красным-красно,
Да и третье знамя черным-черно..
...Приехал ко тем ко трем знаменьям:
Первое знамя — стоит бел шатер,
А другое знамя — на шатре маковка,
А и третье то знамя — стоит ворон конь...

И сравнения, и повторы в былинах могут развиваться и в глубину, и в ширину, и дивить-удивлять. Вот Добрыня Никитич — славен богатырь. Но он человек, и все человеческие слабости могут временами и его одолевать. Получил Добрыня сложное и опасное задание и жалуется матери:

«Ай же свет моя ты государыня,
Ох же свет моя ты родна матушка!
А ведь место на пиру мне было по чину,
А ведь пьяница-дурак не приобгалился,
А ведь чарочкой Добрыню не приобнесли.
А ты почто меня несчастного породила?
Лучше б ты меня несчастного породила
Ты горючим белым камешком,
Завертела б этот белый камешек
В тонкий беленький полотняный рукавничек,
Да и бросала б этот белый камешек
А во тот окиян-море глубокое;
И лежал бы этот белый камешек
Веки по веку без шевелимости,

Буйны ветрушки бы не веяли,
Добры люди об Добрынюшке не баяли.
Нет, так ты бы меня, матушка, породила
Во Почай-реку гоголиночкой;
И стояла б эта мала гоголиночка
Веки по веку без шевелимости,
Буйны ветрушки б не веяли,
Добры люди о Добрынюшке не баяли.
Нет, так ты б меня, матушка, породила
На Искат-гору деревиночкой;
И стояла б эта мала деревиночка
Веки по веку без шевелимости;
Тут съезжались богатыри могучие
Да привязывали коней богатырских».
Так тут свет честна вдова заплакала
Женским голосом да й во всю голову:
«Ай же чадочко мое любимое,
Молодой Добрынюшка Микитинец!
Если бы знала над тобой эту невзгодушку,
Я бы возрастом тебя породила
Я бы силушкой тебя породила
Во того бы в Святогора во богатыря;
Я бы возрастом тебя породила
А во старого казака Илью Муромца;
Красотой бы я тебя породила
Во ласкова князя во Владимира;
Я бы смелостью тебя породила
Во того бы во Алешеньку Поповича...
Я б поездочкой тебя породила
Во того бы во Михаилу да во Потыка»...

Когда читаешь эти плачи и жалобы сына и матери, то дивишься глубине и человечности переживаний перед отправкой богатыря в богатырский опасный поход.

Единство образных средств и приемов, единство склада и лада и даже *единство ритма* удивительно выдержаны в народном нашем творчестве; величаво и обильно омывает оно одним омывом и освещает одним светом все виды творчества во всех временах.

Через повторы усиливает свою речь «Слово о полку Игореве». Войны у Всеволода, брата Игорева: «подъ трубами повити, подъ шело-мы възлелъяны, конец копия въскоръмлени; пути имъ ведоми; яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъостре-ни; сами скачють, акы серыи вльци въ полъ, ищучи себе чти, а Князю

славе». Повторы, как видим, *речестройные*, то есть повторяется способ как построить речь. Вся она построена из маленьких, простеньких, одинаковых предложений: «Подъ трубами повити» да «подъ шеломы възлелъяны» и т. д. Но эта речестройная повторность так усиливает речь, что доводит впечатление до высшей силы и мощи.

И повторы те разные бывают еще. «Слово» выработало прием, при котором тройственный повтор *наращивает* напряженность:

«Игорь спить,

Игорь бдить,

Игорь мыслию поля мерить отъ великого Дону до малаго Донца». Любуйтесь, как прекрасно разворачивается мысль: и нарастает, и нарастает своей силой, словно туча из маленького облачка растучивается, и приходит, и охватывает тебя. А также творит свое всепобедное очарованье и пословица:

Счастье — мать,

Счастье — мачеха,

Счастье — бешеный волк!

Везде от «Слова о полку Игореве» и до «Повести об Азовском осадном сидении донских казаков», от старых Бояновых припевок до нынешних частушек, всюду можно найти словотворные сочетанья вроде «трубы трубят» или «суды судят», найдутся и двоянья из односмысленных слов. Если в «Слове» «трубы трубят в Новеграде», то и в «Повести об Азовском сидении» *«трубы трубят и в барабаны бьют»* и ужасна «бусурманская *трубля*»; и в загадке «В чистом поле две *трубы трубили*, два соболя играли»; и у Кольцова *«затрубили трубы медные»*. Словотворные сочетанья не только повторяются, но и создаются новые. Если в былинах «цари царюют», а в песнях «орлы орлуют», то в новой советской пословице «старосты старостуют»: «Фашистский староста достаростовался: без головы остался». Слово «достаростовался» грузновато. Но вот чудо, *длинным тем словом речь делается короткой!* Ведь одним словом «достаростовался» выражено так много, что и целым большим предложеньем не выразишь.

А вот былина «Козарин» — ее мало кто знает. Молодой Козарин уже в детстве обречен на редкое бедствие: его «отец-матушка да ненавидели. Держали Козарина до трех годов, отвезли Козарина в чистое поле». Козарин становится богатырем, «ездил Козарин ровно двадцать

лет» и свершил подвиг: освободил полонянку от татар. Девушка оказалась его родной сестрой. Однако Козарин к родителям не возвращается, поскольку еще в раннем детстве они изгнали его из дому. Вся былина построена на тройственных сопоставлениях и повторях.

Увидел Козарин в чистом поле, как

Чесала девица буйну голову,
Плела девица трубчату косу...
«Ты коса моя, да коса русая!
Когда я была девка малешенькой —
Мыла меня мамонька в баенке,
Да чесала маменька буйну голову,
Да плела маменька трубчату косу.
Она сама косы плетет да приговаривает:
«Ты, коса, коса ль да девья русая!
Да ты кому, коса девья, достанешься?
Ты князьям ли ты, да боярам ли ты,
Ты какому купцу гостю торговому?»

Тройная дума-мечта с тремя повторами про трех мыслимых женихов: «Ты князьям ли... боярам ли ты... ты... купцу...» — создает в мыслях один образ о счастливой судьбе; и вдруг в былинку врывается уже не образ-мечта, а свершенная судьба:

Доставалась коса да моя русая
Трем татаринам да трем поганым.

Строго сказать, здесь нет сравнения как средства для художественного усиления, здесь дано сравнение мечты и действительности. Образ-мечта о счастливой судьбе *не разработан*, а только намечен. Это, возможно, и ослабляет былинку о Козарине: в ней противопоставленные образы *не уравновешены*. Татарское иго — вот какову будущность показывает девушке:

Сам большой татарин девку утешал:
«Ты не плачь, не плачь, да красна девица,
Не рыдай, наша белая лебедушка.
Я возьму тебя за больша сына,
Уж ты будешь у меня больша невестушка,
Станешь ключницей, станешь замочницей».
Она того девица не послушала,
Плачет девица, как река течет,

Возрыдает красавица, как ручьи бежат.
Да средний татарин девку утешал:
«Ты не плачь, не плачь, красна девица,
Не рыдай, наша белая лебедушка.
Я возьму тебя за среднего сына,
Уж ты будешь у меня средняя невестушка;
Я насыплю да кучу золота,
Я другу насыплю чиста серебра,
Я третью насыплю скачена жемчужка».
Да того девица не послушала,
Плачет девица пуще старого,
Возрыдает девица пуще прежнего.
Да меньшой татарин девку утешал:
«Ты не плачь, не плачь, да красна девица,
Не рыдай, наша белая лебедушка,
Я возьму тебя да за себя замуж,
Уж ты будешь у меня меньша невестушка;
У меня есть сабля да не обновлена,
Я о твою шею да обновлю саблю».
Еще тут Козарину да за беду стало,
Да Петровичу за великую;
Да ехал Козарин во белой шатер,
Он первого татарина конем стоптал,
Другого татарина саблей осадил,
Он третьего татарина мечом сказнил...

На этом былиночка, сказать вам, и покончилась бы. Да сказителю-певцу-составителю показалось: конца нет. Словно бы нужда какая заставила творца продумать еще раз свое былинное творенье. Три счастливых, но мысленных девицыных судьбы — они так и остались не развиты, художественно не разработаны — сопоставил он против трех действительных, но несчастных судеб в татарском плену. А сопоставление неожиданно обращается в стычку, в битву, в которой несчастная действительность вдруг обращается счастливым концом. И надо бы счастливому-то концу и развиться во счастливую действительность до конца. А тут заговорила старая беда, и вот вам — новая сшибка счастья с несчастьем: счастливый конец — освобождение девушки — омрачается несчастной судьбой самого освободителя — сам-то вызволитель изгнан еще в детстве родителями из дому, а освобожденная девушка оказывается его родной сестрой. Сестра спрашивает брата:

Ты, братенко да ты родимый мой!
Ты какой судьбой зашел, заехавши?

Этот вопрос переносит нас к началу былины: сам Козарин от своего имени рассказывает сестре с самого начала свою горемычную долю, при этом он сливает ее с судьбиной своей сестры тем, что дословно повторяет и рассказ сестры, и жалобы ее, и все речи татар-насильников; и вся былина, кроме конца, почти слово в слово перепевается второй раз. И только в конце — отказ брата вернуться к родителям:

Они однажды меня отстудили, —
Я не еду с тобой, да родна сестрица.

Былина заключается тем, что девица

...пришла домой да рассказалася:
«Меня унесли да три татарина,
Три татарина да три поганые;
От татар меня да избавил он ведь,
Меня привез домой да родный брателко;
Я звала, звала да звала-плакала, —
Он домой со мной да не поехал ведь,
Воротился он ведь да во чисто поле».

Ох, каким же крепким устроением былинка устроена, прочно сбита, крепко связана своими неизменными повторами, да сравнениями, да противопоставлениями. А и те, а и эти, а и все доведены до совершенства, развиты до предела, до выраженья очень сложных взаимных отношений и стычек, и борьбы между своими и чужими, между родственной стороной и врагами-неприятелями.

Художническая снасть-орудие, которой былина воздействует на слушателя и на читателя, то есть *повторы*, в былине о Козарине дана во всех видах и разновидностях. От простого повторенья слов:

Ты *коса*, *коса* ль да девья русая,
Ты кому, *коса* девья, достанешься? —

от повторенья простых выражений:

Увидал Козарин *черна ворона*,
Черна ворона да вороновича, —
Черный-то ворон на дубу сидел.
Черна ворона он подстрелить хотел —

до повторов *грамматических*. При таких повторах образ усиливается не только повтореньем слов, а и прибавленьем многих новых односмыс-

ленных или однодейственных — это *словостройные* повторы, потому что они словом строятся:

*Ты отколь, девица, отколь, красная,
Ты с каких земель да с каких городов,
Ты какого отца, какой матери —*

неповторных слов, кроме союза «да», не оказалось: одни слова просто повторены, другие усилены повторением смысла: «девица» усилена словом «красная», вместо «откуда» спрашивается, каких «земель», каких «городов», вместо «кто родители» — какого «отца», какой «матери». В этих словостройных повторах заключено и сдвигивание слов — вопрошатель мог спросить: «ты с каких земель-городов» — или: «ты какого отца-матери». И это сдвигивание слов в большем ходу в былинах:

*Меня род-племя да не в любви держал,
Отец-матушка да ненавидели...
Я звала, звала да звала-плакала...*

К словостройным примыкают и словотворные повторы, когда одно слово рождает из себя другое с тем же корнем:

Черна ворона да вороновича...

Словотворный повтор может не только усилить, но и продолжить, нарастить мысль:

Другого татарина саблей ссабил...

Грамматические повторы могут быть речестройными или синтаксическими — в них, ино и без словесных повторов, повторяется лишь способ к построению речи или предложения; сюда попадут повторы перечисленные, например:

*Я первого татарина конем стоптал,
Я второго татарина саблей ссабил,
Я третьего татарина мечом сказнил...*

В речестройные повторы попадут даже сравнения через вспомогательные слова, вроде «как»:

*Плачет девица, как река течет,
Возрыдает красавица, как ручей бежит...*

Сюда же пойдут и повторы через сравнения, хоть через отрицательные, хоть через сопоставления, хоть через то и другое разом:

Красная девушка, белая лебедушка...

Повторы растут, повторы вырастают, повторы всю былинку охватывают: словесно-грамматические перерастают во повторы-сопоставления психологических образов: счастливое замужество и три разных судьбы у трех татар, а в заключение *вся былина повторяется дважды!*

Вот какой крепкой устроинной былинка поустроена!

Велика и могущественна русская былина: она старца утешит, добру молодцу силы придаст.

Большинство наших богатырских былин могут служить ту же службу, ради которой были созданы — они могут поднимать богатырский и воинский дух народа, они могут воспитывать юных доблестных защитников Родины.

Не будем отстранять наши былины от живой жизни, но будем учиться у них. Будем учиться у былины и не только искусному и прекрасному слову, не только богатому и самобытному ритму, не только глубокой мудрости, но будем учиться у былины так же и тому, как поступать с былинным наследием.

Весь народ наш и певцы-игрецы, и гуслиеры да гудцы, да сказочники и рассказчики, да вольные творцы, да сказители и былинщики, и простые мужики — умели они создавать великую песню и воспевать дива былинные. Сами безвестны, а песня их бессмертна, а душа неохватима, а сила непобедима, а смелость неустрашима. Истинная поэзия в этой песне; та поэзия, которая — чудо, та поэзия, которая — диво; красота в ней несказанна, сила неизреченна; в этой песне та поэзия, которая — радость и воодушевление, подъем и страсть, и окрыление, и полет, и паренье. В ней, в народной нашей песне-былине, живет и трепещет соединство добра и правды, любви и истины, в ней, в поэзии этой, — ободренье униженным, возрождение слабым, гроза тиранам.

В былинах, в песнях, в сказках, в пословицах, в загадках, наконец, в частушках — во всей этой столетней народной

мудрости мы обречем еще невиданное новое языковое величие, и возродим старое.

Благодатное единство писательской речи с народным языком животворило книжность от Михаила Ломоносова до Александра Пушкина и Льва Толстого, а в наше время животворит язык лучших мастеров слова. И это единство, оно и создало современный русский литературный язык. Народная речь неисчерпаема для обновления книжного языка.

Великое поэтическое откровенье дано было, хотя и безвестным, но могучим нашим воспевальникам. И открыли они, и воспели они русское мужество, русское богатырство, русскую удаль, и все то, чем велика и славна Русь!



СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- «Русский народный эпос. Сводный текст составил проф. Н. В. Водовозов». М., ОГИЗ, 1947.
- Илья Муромец. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958.
- В. А. Старостин. Илья Муромец. М., «Советская Россия», 1967.
- В. А. Старостин. Русь богатырская. Ярославль, Верхне-Волжское издательство, 1970.
- В. П. Аникин. Русский богатырский эпос. М., «Просвещение», 1964.
- «Былины». М., ГИХЛ, 1958.
- «Былины». М., Учпедгиз, 1937.
- М. Д. Кривополенова. Былины, скоморошины, сказки. Архангельск, 1950.
- Хрестоматия по древней русской литературе. Сост. Н. К. Гудзий. М., Учпедгиз, 1952.
- «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1951.
- «Нарты». М., «Советская Россия», 1960.
- «Сказания о нартских богатырях». М., «Советская Россия», 1960.
- А. Югов. Судьба родного слова. М., «Молодая гвардия», 1962.
- В. Даль. Толковый словарь русского языка. М., Гослитиздат, 1935.
- «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». М., 1910.
- А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. V. М., ГИХЛ, 1950.
- «Причитанья Северного края, составленные Е. В. Барсовым». М., 1882. 1882.
- «Сказки, песни, частушки». Северо-Западное кн. изд-во, 1965.
- «Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским». СПб., 1895.
- В. Шергин. Илья Муромец. М., Детгиз, 1963.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Богатыри пришли в деревню Ключино	9
О славном роде Микулином	21
Скакал казак через долину	32
Почему не всегда красно светит Красное Солнышко?	42
Рок, золото и русские богатыри	57
Господин Великий Новгород	74
Чем былины живы	83
Список использованной литературы	110

**Василий Адрианович
Старостин**

«ДИВА БЫЛИННЫЕ»

Редактор *А. В. Ведрашко*
Художник *М. И. Шемаров*
Художественный редактор *М. К. Шевцов*
Технический редактор *Н. Н. Махова*
Корректор *Л. П. Михеева*

Сдано в набор 4/II 1972 г. Подписано
к печати 19/X 1973 г. 70×90^{1/16}. Бумага
офсетная № 1. Печ. л. 7. Услов. л. 8,19.
Уч.-изд. л. 6,51. Тираж 100 тыс. экз.
А07226.

Издательство «Просвещение» Государ-
ственного комитета Совета Министров
РСФСР по делам издательств, поли-
графии и книжной торговли, Москва,
3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Ордена Трудового Красного Знамени
Калининский полиграфический комби-
нат Союзполиграфпрома при Государ-
ственном комитете Совета Министров
СССР по делам издательств, полигра-
фии и книжной торговли, г. Калинин,
пр. Ленина, 5. Заказ № 1189.

Цена без переплета 61 к., переплет
39 к.





